

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2005

Юрий Игнатьевич Божор

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРИ-ЖОЗЕФА ШЕНЬЕ В ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(со второй половины 1791 года до сентября 1792 года)

Мари-Жозеф Шенье (1764—1811) — крупнейший драматург и поэт Великой французской революции, видный представитель революционного классицизма. Творчество этого политического деятеля и писателя переломной эпохи, характеризовавшейся грандиозной революционной ломкой вековых устоев феодализма, ожесточенной классовой борьбой, огромной политической активностью широких народных масс, общенациональным подъемом и единством французского революционного народа перед лицом иностранных захватчиков, представляет выдающийся политический, художественный и историко-литературный интерес. Продолжая многовековые прогрессивные традиции французской литературы, творчество Шенье вместе с тем — новое качественное явление как в идейном, так и в художественном отношении. Поэзия и драматургия М.-Ж. Шенье, как и все искусство революции 1789—1794 годов, были идеологическим оружием в революционной борьбе против феодализма, выражая священную ненависть народа к старому режиму. Многочисленные стихотворения М.-Ж. Шенье, посвященные текущим событиям революции, помещались в тогдашней прогрессивной печати и, положенные на музыку крупнейшими композиторами эпохи, исполнялись на революционных празднествах и торжественных церемониях, а его пьесы многократно ставились в лучших театрах Парижа, а также в провинции.

Шенье не был бесстрастным созерцателем происходившей вокруг него борьбы, а принимал в ней активное участие не только как драматург и поэт, но и как политический деятель — член Якобинского клуба, клуба Кордельеров, Социального клуба, депутат Национального Конвента,

автор многих публицистических статей, видный оратор.

В своей политической и литературной деятельности М.-Ж. Шенье был активным противником феодально-аристократической реакции, а также католической церкви и Ватикана, агрессивных войн. Его философские позиции характеризуются преобладанием материалистических черт, идущих от французского материализма XVIII века, враждебностью к идеализму и поповщине. Он унаследовал лучшие стороны просветительской литературы и идеологии, а также литературы XVII века, делая из них революционные выводы. Особенно близко было ему левое, наиболее демократическое крыло Просвещения (Руссо, Мабли). Он был воинствующим гуманистом и патриотом революционной Франции, боровшейся против иностранных захватчиков и внутренней феодальной реакции, страстным поборником народного суверенитета и национальной независимости своей страны.

В некоторых произведениях революционного периода Шенье выходит за пределы буржуазно-демократической идеологии, отстаивая также социальные требования беднейших слоев французского народа. Во многих стихотворениях, пьесах, статьях и речах он отразил героизм и патриотизм революции 1789—1794 годов, который, как отмечали классики марксизма-ленинизма, имел прежде всего народные истоки.

Творчество М.-Ж. Шенье имело немалое значение и для последующего революционного движения XIX и XX веков. Писатели и деятели революций 1830 и 1848 годов, а также Парижской Коммуны 1871 года проявляли к нему интерес, имя М.-Ж. Шенье упоминалось на страницах прогрессивной печати. По свидетельству Энгельса,

«Походная песня» М.-Ж. Шенье была гимном восставших парижских рабочих в мае-июне 1848 г.¹

Его трагедия «Карл IX» ставилась в 1830 г. в Париже и Брюсселе, а постановка трагедии «Генрих VIII» в 1842—1844 годах вызвала полемику между прогрессивной и реакционной критикой (Феликс Пиа и Жюль Жанен). Творчество М.-Ж. Шенье, гражданского и политического поэта, представителя общественно-содержательного и высокоидейного искусства ценил Г. В. Плеханов, используя его в борьбе против реакционных декадентских теорий «чистого искусства»².

С давних пор передовые люди России (Радищев, декабристы, Грибоедов, Пушкин и другие) с глубоким интересом и уважением относились к культуре французской буржуазной революции 1789—1794 годов, в том числе и к творчеству М.-Ж. Шенье.

Идейное и культурное наследие французской революции XVIII века своими патристическими и прогрессивными традициями дорого лагерю прогресса, мира и подлинной демократии. Оно сыграло известную роль в борьбе французских патриотов против фашистских оккупантов (1940—1944 годы), а в наши дни помогает им бороться за национальную независимость и прогресс. Коммунистическая партия Франции свято чтит прогрессивные национальные традиции эпохи Просвещения и революции 1789—1794 годов.

Буржуазия XIX и XX веков, как и современная империалистическая реакция, враждебно относится к первой французской революции и ее наследию, пытается предать забвению эту славную драматическую страницу истории Франции, весьма поучительную для народных масс своим политическим опытом.

Реакционная зарубежная критика искажает политический облик М.-Ж. Шенье, всячески старающаяся или замалчивать прогрессивные стороны его деятельности и творчества, преувеличивая его ошибки и недостатки. При этом она искусственно сближает М.-Ж. Шенье с его братом Андре Шенье, видным поэтом и публицистом, занимавшим во многом реакционные пози-

ции, пытаясь затуманить их политические разногласия или объяснить их причинами личного характера. Клеветы на культуру французской революции 1789—1794 годов, буржуазные критики пытаются доказать, что произведения М.-Ж. Шенье, как и других художников этой революции, якобы тишены всякой художественной ценности.

Советская наука много сделала для изучения и правильной оценки французского классицизма XVII—XVIII веков, культуры эпохи Просвещения и первой французской революции, а также революционно-демократической литературы XIX века. Об этом свидетельствуют работы С. С. Мокульского, К. Н. Державина, Ю. И. Данилина, Д. Д. Обломовского и другие советских ученых.

Однако литература французской буржуазной революции 1789—1794 годов, как и все развитие общественной мысли и социального движения этого периода изучена еще недостаточно. М.-Ж. Шенье, один из самых выдающихся ее представителей, мало известен советской общественности. Его произведения, за исключением одного-двух, до сих пор не переведены на русский язык, работ о нем у нас очень мало.

Попытка в какой-то мере заполнить этот пробел сделана в данной работе. Она посвящена в основном анализу жизни и творчества М.-Ж. Шенье со второй половины 1791 года до 22 сентября 1792 года, представляющих собой, как нам кажется, вершину его общественно-политической и литературной деятельности. В это время М.-Ж. Шенье более всего был связан с народными движущими силами французской революции и создал наиболее прогрессивные и политические зрелые произведения

* * *

Эстетика и художественное творчество М.-Ж. Шенье, основанные в значительной степени на материалистических началах и тесно связанные с его социально-политическими воззрениями и этикой, характеризуют его как представителя революционного классицизма. Шенье был ярко выраженным гражданским, социально-политическим писателем. Каждая строка его художественного творчества была остро публицистичной, насыщенной злободневными политическими идеями. Трагедии и стихотворения Шенье, воплощавшие идеи, волновавшие его передовых современников, отражали в строгих и патетических формах напряженную политическую борьбу и

¹ Ф. Энгельс, Из Парижа в Берн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, ч. 1, стр. 522.

² Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник III. М., 1936, стр. 99, 112, 164, 310, 311; 316.

общественный быт французской революции. Они имеют не только идейную, но и стилевую общность с ораторским искусством и политической публицистикой революции, а также с другими искусствами революции, с ее празднествами. Творчество Шенье, тесно связанное с освободительной борьбой, исполнено жизненной правды и исторической конкретности.

Драматургия М.-Ж. Шенье, будучи продолжением классицизма Корнеля, Расина и особенно дореволюционного просветительского классицизма Вольтера и его последователей, имеет вместе с тем и ряд существенных отличий от них. Шенье превосходит их политической остротой, радикализмом. У Шенье больше реалистических черт. Его классицизм был обогащен историческим и политическим опытом крупнейшей из буржуазных революций. Гражданственность, пафос и героика произведений Шенье более связаны с современной ему жизнью, более убедительны и правдивы. Характеры у него менее статичны, более эмоциональны и сложны.

Шенье больше, чем его предшественники, соблюдает историческую достоверность. Он уделяет исключительное внимание историческим сюжетам, отвергая мифологию как сюжетный источник. Обращаясь к средневековой истории Франции и Европы, он превзошел предыдущих представителей классицизма разработкой национальной и патриотической темы. Используя национальные сюжеты, Шенье обращался не только к XVI—XVII векам. («Карл IX», «Фелселон»), но и к близкому прошлому, почти современности («Калас» — 60-е годы XVIII века).

Шенье полностью изгоняет из трагедии любовную интригу («галантность»). Он более последователен в соблюдении простоты действия, устраняет ненужные традиционные персонажи (наперсники и др.). В трагедиях Шенье больше внимания уделено природе.

Несмотря на огромную роль античных исторических образов и сюжетов в творчестве Шенье, его произведения более близки к реальной жизни Франции конца XVIII века, чем творчество его предшественников к исторической действительности их времени. С современной ему исторической действительностью творчество Шенье связано тысячами нитей. Оно более непосредственно связано и с освободительной борьбой народных масс, деятельность которых Шенье изображал с большей под-

нотой и политической целеустремленностью.

Изучение творчества М.-Ж. Шенье имеет большое значение и для более глубокого уяснения особенностей развития французской литературы XIX века. Творчество Шенье — порождение переходной эпохи, как в идейно-политическом, так и в художественном отношении, — принадлежит к тем явлениям литературы конца XVIII века, которые своими реалистическими тенденциями, стремлением к широким социально-политическим обобщениям и к изображению узловых моментов истории и общественно-важных сторон жизни, своей монументальностью и идейной насыщенностью подготавливали почву для французского критического реализма XIX века (Бальзак, Стендаль, Мериме).

С творчеством Шенье соприкасается также революционный романтизм (драмы В. Гюго) и революционно-демократическая поэзия XIX века.

Еще в юности, в обстановке обострявшегося кризиса феодально-абсолютистского строя и бурного роста оппозиционных настроений французского народа, под влиянием сочинений просветителей и отчасти античных авторов начинают формироваться его радикальные антифеодальные взгляды. В дошедших до нас ранних стихотворных произведениях 1783—1784 годов — «Театральное искусство» и «Послание Палиссо» Шенье выражает свое сочувствие угнетенному «третьему сословию», осуждая пороки и паразитизм дворянства, духовенства, ростовщиков и придворных, дорогостоящие прихоти Людовика XVI. Безотрадной французской действительности он противопоставляет идеализированную древнюю Грецию — страну «счастливых республиканцев», а также республиканский Рим.

Уже его ранние эстетические суждения в названных произведениях, а также в «Послании Лебрену» имеют черты эстетики возникшего революционного классицизма. Высоко ценя эстетические принципы Аристотеля, Горация, Буало, творчество древнегреческих трагиков, а также Корнеля, Мольера и Вольтера, Шенье отвергает реакционную французскую драматургию «пошлых сочинителей фарсов», а также эпигонов классицизма и творчество писателей, недостаточно, по его мнению, гражданственных. Он ратует за возрождение классицистических традиций французской литературы на просветительской и бур-

жуазно-революционной основе. Драматургию и театр он считает мощным средством общественно-политического воспитания. С гораздо большей последовательностью, чем его предшественники, он проводит требования гражданственности и политической остроты содержания драматургии, а также строгости классицистической формы, ее четкости, стройности и простоты.

Ранние пьесы М.-Ж. Шенье, написанные в 1783—1786 годах («Эдгар», «Генриетта Аквитанская», «Умирающий Эдип», «Брут и Кассий», «Аземира»), несмотря на их незрелость и слабость, свидетельствуют о творческих поисках начинающего драматурга и подготовке к созданию последующих трагедий революционного периода.

Накануне и в начале революции (1787—1790 годы) Шенье написал ряд стихотворений и статей, а также трагедию «Карл IX».

Стремительно развивавшиеся события 1787—1789 годов, неуклонно двигавшие Францию к революции, способствовали дальнейшей радикализации мировоззрения и творчества М.-Ж. Шенье. Защищая права «третьего сословия», он гневно обличает прогнившие правящие верхи и привилегированные сословия, пороки министров и вельмож, а также реакционных литераторов и журналистов. Формируются его эстетические взгляды, его этические воззрения («Поэма о нотаблях», «Министр и литератор», «Публика и аноним», «Послание отцу», «Введение» к «Карлу IX» и другие).

Во время выборов в Генеральные штаты (апрель 1789 года) Шенье выдвинул предложения в наказах депутатам «третьего сословия», требуя уничтожить феодальные привилегии и устои, ограничить власть короля и принять конституцию, основанную на принципах политического равенства («Предложения в наказах третьего сословия от г. Парижа»).

Молодой поэт горячо приветствует наступившую революцию и с самого начала принимает активное участие в политической борьбе своими стихотворениями, публицистическими статьями и общественной деятельностью¹. Его стихотворными

откликами на события первых двух лет революции (1789—1790) были «Ода Национальному Собранию», «Послание королю», «Послание праху Вольтера», гимн «Песня 14 июля», в которых он призывает «суверенный народ» бороться за свои права, прогив «коронованных разбойников», вельмож и пиров. Он прославляет «подвиги победителей» — участников штурма Бастилии и октябрьских событий 1789 года и «священную свободу», уничтожившую «бесчисленные злоупотребления» старого режима. Революционный пафос сочетается здесь, однако, с умеренностью, характерной в то время для буржуазно-революционного лагеря. Горячо одобряя решительные действия народных масс, Шенье выгажает при этом уважение к умеренным буржуазно-либеральным деятелям (Неккер, Лафайет, Бальи, Сийес) и Людовику XVI, как возможному «союзнику» революции, при условии его «философского перевоспитания» и отмежевания от феодальных сословий. Он ратует за «триумvirат» Людовика XVI, Сийеса и Лафайета — «славного соперника Вашингтона».

Шенье принимал в 1789—1790 годах активное участие в борьбе революционной общественности против феодальных пережитков в области культуры, главным образом, в театре. Во многих публицистических статьях («О свободе театра во Франции», «Обличение инквизиторов мысли», «Речь перед представителями Коммуны», «Открытые письма в *«Journal de Paris»* от 27 августа и 18 октября 1789 года, «Доклад о реорганизации Оперы», «Краткие размышления о гражданском положении актеров», «Речь к возвращению Театра Нации» и другие) он выступает за свободу мысли и театра, отмену цензуры, уничтожение феодальных монополий и привилегий, за предоставление гражданских прав актерам, обличает реакционное большинство Театра Нации (Французской Комедии).

Уже в 1789—1790 годах Шенье был во многих вопросах близок к позиции левого фланга революционного лагеря, превосходя своим радикализмом большинство Нацио-

¹ Особенно активное участие принимал Шенье в политической жизни по месту жительства — в дистрикте Кордельеров, позже переименованном в секцию Французского Театра. Дистрикт Кордельеров был одним из самых ак-

тивных и радикальных районов столицы. Здесь, в частности, вели работу Демулен и Дантон, которому в январе 1790 года общественность дистрикта поручила выступить в защиту Марата, привлеченного к ответственности за статью в «Друге народа»

нального и Учредительного Собраний и руководителей столичного муниципалитета.

Трагедия «Карл IX или Урок королям» (1787—1789), — в более поздней редакции — «Карл IX или Варфоломеевская ночь» — занимает видное место в истории французской драматургии. Это первая подлинно национальная историческая и политическая трагедия классицизма. С позиций просветительского гуманизма и революционного патриотизма она разоблачала феодальный строй, а также церковный фанатизм, как величайшее национальное бедствие. Своим историзмом, изображением подлинных исторических событий, а не вымышленных легендарных преданий, острой обличительной монархии и феодальной реакции, отсутствием идеализации средневековой истории, полным отсутствием любовной интриги, философской глубиной «Карл IX» превосходит не только сходные пьесы других революционных драматургов, но и все прежние попытки, сделанные в этом направлении во французской литературе.

Своим политически злободневным сюжетом и особенно просветительской и революционной устремленностью трагедия «Карл IX» обличала не только в средневековом прошлом, но и в тогдашней французской современности всю феодально-аристократическую и католическую реакцию: придворную аристократию в лице надменного и честолюбивого герцога Гиза и коварной Екатерины Медичи, фанатичное духовенство и Ватикан — в лице лицемерного и кровожадного кардинала Лоррена, королевскую власть — в лице Карла IX. Современники с полным основанием сравнивали заговор двора Карла IX против протестантов с интригами двора Людовика XVI против восставшего французского народа, а самого Карла IX — с Людовиком XVI, Екатерину Медичи — с Марией-Антуанеттой, Лопиталь — с Неккером.

В «Карле IX», так же как в стихотворениях и статьях 1787—1790 годов, сказались свойственные многим деятелям того периода буржуазной революции монархические иллюзии, несколько ослаблявшие революционную антифеодальную обличительность пьесы. Отвергая абсолютную монархию, Шенье стоит здесь за «разумную», «народную» конституционную монархию. Безвольному, трусливо-жестокому и ничтожному Карлу IX, являющемуся, по авторскому замыслу, не только жертвой, но и орудием феодальной

реакции и одним из виновников зверств Варфоломеевской ночи, противопоставлен идеализированный образ «короля-гражданина» Генриха Наваррского, будущего короля Генриха IV.

Историзм пьесы несколько нарушается публицистическими «философскими» монологами положительных персонажей (Колиньи, Лопиталь, Генрих Наваррский), являющихся рупорами идей самого автора и подчеркивающих антифеодальную тенденцию трагедии. Автор свободно обрывается с историческим материалом, использованным в пьесе. Все же историческая действительность Франции XVI века в целом показана довольно верно при отсутствии точности в соблюдении исторических деталей.

Суровый исторический колорит сочетается в «Карле IX» с гуманистической направленностью и изображением простых человеческих чувств: страдания Карла IX, эмоциональность и человечность облика Генриха Наваррского, отеческая нежность старого Колиньи к юному Генриху и т. д.

Премьера трагедии «Карл IX» состоялась в ноябре 1789 года в Театре Нации после упорной борьбы прогрессивной общественности и самого Шенье против реакционеров, а также умеренной части революционного лагеря, препятствовавших ее постановке. Постановка трагедии явилась крупнейшим событием литературно-театральной и политической жизни революции и яркой страницей классовой борьбы. Пьеса была восторженно встречена революционной общественностью и пресой и вызвала заслуженные похвалы видных деятелей революции и положительные отклики плебейских предместий Парижа. В то же время она вызвала беневольную злобу придворных, клерикалов, части крупной буржуазии, реакционной критики и самого Людовика XVI.

В «Карле IX», как и в других пьесах М.-Ж. Шенье был продолжателем Вольтера (трагедии, «Генриада», его многочисленные высказывания о Варфоломеевской ночи и борьба против религиозного фанатизма и войн). Однако Шенье превосходит Вольтера своим радикализмом, особенно в обличении монархии, несмотря на наличие монархических иллюзий.

Шенье стремится возродить на новой идейной основе погрязшие эпитагоны и реакционной дворянской литературой эстетические и художественные принципы классицизма Корнеля, Расина и Вольтера

отвергая, однако, у них все то, что в какой-то мере казалось ему связанным с феодальным миром, со вкусами и представлениями придворно-аристократических кругов. Творчество М.-Ж. Шенье представляет собою новый этап в развитии классической трагедии, соответствующий периоду революционной борьбы французского народа против феодализма.

В 1787—1789 годах была написана также трагедия «Генрих VIII или Тирания», впервые поставленная в 1791 году.

Господствующие круги феодального строя, особенно монархический деспотизм, разнчаются здесь на сюжете из истории Англии XVI века. Центральным персонажем является английский король Генрих VIII, которого автор в соответствии с исторической правдой рисует чрезвычайно геничными красками. В преследовании и казни Анны Болейн, безвинной жертвы кортлевского произвола, воспроизведен мрачный характер всего крайне деспотического правления этого монарха. Многие герои драмы (Кранмер, Жанна Сеймур, Анна Болейн, Норрис) с гневом и сочувствием говорят о безмерных страданиях английского народа под тяжким игом жестокого тирана. Устами Норриса автор призывает к самоотверженной борьбе против самодержавия. Хотя в этой трагедии Шенье не изжил еще монархических иллюзий, тем не менее абсолютизм обличается здесь с большей непримиримостью и последовательностью, чем в «Карле IX». Вопрос о королевской власти вырастает в центральную проблему трагедии «Генрих VIII».

Трагедия Шенье «Жан Калас или Урок судьям» создавалась в 1790—1791 годах. Ее первые представления во Французском Театре на ул. Ришелье (позже переименованном в Театр Республики) совпали с апофеозом Вольтера в июле 1791 года, когда Вольтер чествовался революционной Францией как борец против феодализма, религиозного фанатизма, поборник справедливости и защитник жертв судебного произвола. Во время празднества был исполнен гимн Шенье «На перенесение праха Вольтера во французский Пантеон».

Сюжетом трагедии послужило знаменитое «дело Каласа» в 1762—1766 годах. Эта пьеса Шенье своим рода дань уважения Вольтеру, чью справедливость и гуманность восхваляет ряд ее персонажей (Ла Салье, Жан Калас, его жена). Сам сюжет предоставлял автору большие возмож-

ности соединить в одном произведении критику фанатизма католической церкви и злоупотреблений феодально-абсолютистского суда: Жан Калас и его семейство — простые люди, представители «третьего сословия» — были жертвой одновременно этих двух сил старого режима.

Поставленные на сравнительно недавнем материале истории Франции идейные проблемы этой глубоко философской, политической и гуманистической трагедии имели животрепещущее значение на том этапе революции. Они соответствовали борьбе демократических сил за свободу совести и прогрессивным преобразованиям в области суда и законности. При этом Шенье выражал мысли, родственные взглядам Вольтера, обличавшего религиозный фанатизм, требовавшего ввести институт защитников, считавшего деятельность судьи исполнением гражданского долга.

* * *

С середины 1791 года до сентября 1792 года под влиянием бурных событий Шенье вместе со многими другими революционными деятелями переходит от сочувствия конституционной монархии на республиканские позиции. К этому времени относится активизация его политической деятельности в качестве члена Якобинского клуба, клуба Кордельеров и Социального кружка, — важнейших центров политической жизни революционной Франции, а также создание и представления его республиканской трагедии «Гай Гракх».

Еще в 1789—1790 годах Шенье, как уже отмечалось, во многих вопросах был не согласен с политикой Национального и Учредительного собраний, которые отказались ввести всеобщее избирательное право, опасаясь политической активности мелкой буржуазии, ремесленников, крестьян и городского пролетариата. Он еще тогда требовал расширения избирательного ценза и предоставления прав «пассивным гражданам», вступая в полемику с Мирабо, Бальи и другими деятелями крупной либеральной буржуазии.

В соответствии своей принадлежности к клубу Кордельеров, который с 1790 года был очагом деятельности немногочисленных тогда республиканцев (Робер, Демулен и другие) Шенье проявляет республиканские симпатии еще до событий 21—24 июня 1791 года. «Ода на смерть Мирабо», написанная в начале апреля 1791 г. и трагедия «Жан Калас», законченная в того же года, содержат безоговорочно суровое осуждение монархии, свидетельства

об усилении его республиканских настроений и более последовательном изживании монархических иллюзий сравнительно с его произведениями 1789—1790 годов.

Во время последующих событий—1791—1792 годов политические позиции Шенье еще больше левели. Когда произошел раскол в Якобинском клубе — «Общество друзей Конституции», М.-Ж. Шенье примкнул к левому крылу — сторонникам республики и противникам Людовика XVI. Он осуждал расстрел республиканской манифестации на Марсовом поле 17 июля 1791 года, а конституцию 1791 года называл «преступной сделкой» отступников революции с «вероломным королем»¹. Вместе с Дантоном и Демуленом он был активным членом дистрикта Кордельерэв (впоследствии секции Французского Театра), общественность которого выступала против «Австрийского комитета» — Людовика XVI, Марии-Антуанетты и их ближайшего окружения, которые тайно готовили контрреволюционный переворот.

Шенье был близок к позиции, которую занимали левые демократические газеты «Парижские революции» (издатель Прюдом) и «Отец Дюшен» (издатель Эбер). Он тяготел к малочисленному левому крылу Угредительного Собрания, возглавлявшемуся Робеспьером и Петитионом.

Республиканские убеждения Шенье, как и других деятелей французской революции XVIII века, хотя и отмечены печатью буржуазной ограниченности, все же имели народные истоки. Они окрепли и развились под влиянием мощного подъема демократического и республиканского движения в Париже и в провинции после попытки бегства Людовика XVI за границу, а также под влиянием дальнейших решительных выступлений народных масс.

* * *

В этот период борьбы за республику и защиты революционного отечества больше всего сведений сохранилось о деятельности Шенье в Якобинском клубе. Это под-

тверждено протоколами заседаний клуба, изданными французским историком Оларом.

21 декабря 1790 года «Общество друзей Конституции» опубликовало список своих членов, в котором указан и М.-Ж. Шенье¹. Сохранившиеся протоколы заседаний этого клуба много раз упоминают имя Шенье, принимавшего личное участие в его работе в феврале—июле 1792 года, когда Якобинский клуб полностью освободился от «умеренных».

Яркой страницей политической биографии революционного драматурга является его полемика с братом Андре Шенье в феврале—апреле 1792 года.

Пolemika между М.-Ж. Шенье и А. Шенье — это один из многих эпизодов борьбы между революционным лагерем и лагерем контрреволюции. М.-Ж. Шенье, выражая точку зрения якобинцев, дал в своих статьях резкий отпор активному контрреволюционному деятелю, требовавшему уничтожить центральный Якобинский клуб и его многочисленные филиалы в провинции.

Буржуазные историки и литературоведы извращают сущность этой необычайно важной полемики.

Начало фальсификации политического облика М.-Ж. Шенье и его брата А. Шенье относится к периоду термидорианской реакции и Директории, а также Реставрации. Современники М.-Ж. Шенье, значительно пережившие его, — Арно, Дону, Лемерсье и другие пытались доказать, что никаких принципиальных разногласий между братьями якобы не было. Такая точка зрения связана с их осуждением французской революции как прогрессивного движения. При этом Арно, Дону, Лемерсье и их последователи в более позднее время сознательно игнорировали подлинные факты.

Ярким образом подобной фальсификации и клеветы на французскую революцию является речь писателя — академика Непомюсена Лемерсье на заседании Французской Академии в октябре 1819 года, посвященном памяти А. Шенье (25 лет со дня смерти)².

Справедливо отрицая виновность М.-Ж. Шенье в смерти Андре Шенье, Лемерсье при этом стремится свести на-нет разли-

¹ Энгельс отмечал непопулярность в народе конституции 1791 г.: «...Благодаря поведению двора французский народ не мог больше на практике проводить принципы конституции 1791 г., несмотря на свое теоретическое согласие с ней». См. Ф. Энгельс. Положение в Германии (К Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. V, стр. 7).

¹ F.-A. Aulard. La Société des Jacobins t. I—IV. P., 1889—1892; t. I, p. XLII.

² «Revue encyclopédique» P., 1819, octobre, t. IV, p. 81—107.

чие их политических воззрений, говоря об их «братском союзе» и мнимой общности их судьбы.

Лемерсье весьма сочувственно говорит о контрреволюционной деятельности Андре Шенье. Одновременно с этим он чрезвычайно умаляет прогрессивное значение политической и литературной деятельности Мари-Жозефа Шенье. Активную революционную деятельность М.-Ж. Шенье, особенно в славный 1792 год, Лемерсье считает «ослеплением», «слабостью», «заблуждением», а его прогрессивные убеждения — «иллюзиями» и «крайностями».

Ко времени произнесения этой речи Лемерсье стал приверженцем режима Реставрации, врагом французской революции и ее культуры. Он отрекся от своих бывших революционных произведений. Такая же фальсификация дается и в статьях Дону и Арно.

На самом же деле, уважение и любовь к брату не помешали Мари-Жозефу Шенье осудить контрреволюционную деятельность Андре Шенье. Последующий переход М.-Ж. Шенье на позиции термидорианства также не опровергает глубокого политического различия между ними. М.-Ж. Шенье — республиканец, до конца своих дней был противником феодально-аристократической и католической реакции. Андре Шенье фельян и роялист. Несмотря на свое сочувствие гуманистическим идеям эпохи Просвещения, он препятствовал дальнейшему поступательному развитию событий революции. А в 1792 году политическое различие между братьями было особенно резким: у Мари-Жозефа Шенье тогда не было никаких расхождений с общим ходом революции, в то время, как Андре Шенье выступал вместе с отъявленными контрреволюционерами.

Вплоть до наших дней буржуазные критики и последователи вторят Лемерсье, Лабитту и другим, объясняя участие М.-Ж. Шенье в революции и политическую насыщенность творчества его «честолюбием», «тщеславием», «погоней за славой» и т. д. Так, А. Либи считает, что выступление М.-Ж. Шенье против антиякобинской пропаганды Андре Шенье было вызвано желанием сохранить свою популярность, а не убежденностью в справедливости политики якобинцев¹. Здесь мы также имеем дело с извращением ярких революционных фактов из биографии М.-Ж. Шенье.

Либи укоряет Шенье за то, что он выступил в защиту якобинцев от контрреволюционной пропаганды А. Шенье: «...И если в ходе этой полемики Мари-Жозеф был далек от того, чтобы быть виновным во всем, то он был, бесспорно, главным виновником. Он мог предоставить другим заботу защищать якобинцев от атак Андре»¹.

Подлинный характер взаимоотношений между братьями можно установить только при изучении конкретных исторических фактов и их правильного истолкования.

Андре Шенье (1762—1794) опубликовал ряд статей, страстных и талантливых написанных, но контрреволюционных по своему содержанию, направленных против демократического лагеря и прежде всего против Якобинского клуба. В них он высокомерно третировал якобинцев как «мешенников и глупцов» за то, что в их рядах нашли себе место представители социальных «низов» общества, за то, что Якобинский клуб стремится заручиться поддержкой широких слоев французского народа через секции в Париже и множество филиалов в провинции. Особенно ненавистна для Андре Шенье мысль о диктатуре, угрозу которой он усматривает со стороны Якобинского клуба. За диктатурой он видит призрак восставшего народа, родовластие.

26 февраля 1792 г. газета «Journal de Paris» опубликовала первую статью Андре Шенье против якобинцев, озаглавленную — «О причинах беспорядков, сотрясающих Францию и препятствующих утверждению свободы». Подобно многим врагам революции, Андре Шенье клеветнически обвиняет якобинцев во враждебности народу и делу свободы и считает, что центральный Якобинский клуб и его отделения в провинции являются главной причиной трудностей, испытываемых тогда Францией. Нападая на принципы республиканизма, он выражал точку зрения сторонников Людовика XVI. Его статья пронизана ненавистью к якобинским обществам и изобилует бранимыми кличками в их адрес².

В своих нападках на якобинцев, Андре Шенье выступал не только апологетом монархии, но и защитником собственников крупной буржуазии. Андре Шенье не правится также, что якобинцы критиковали правительство, составленное из умеренных

¹ Там же, стр. 176.

¹ A. Lieby. Etude sur le théâtre de M.-J. Chénier P., 1902, p. 96, 176.

² A. Chénier. Oeuvres en prose. P., 1840. p. 99—109.

элементов, явно играющих на руку контрреволюции и Людовику XVI.

Считая якобинцев врагами Франции и союзниками эмигрантов, он требует уничтожения всех якобинских обществ, организаций и клубов.

27 февраля 1792 года в той же газете было напечатано краткое открытое письмо Мари-Жозефа Шенье в редакцию. Прочитав статью Андре, многие парижане ошибочно считали ее автором Мари-Жозефа, который был больше известен в Париже, чем его брат. Мари-Жозеф Шенье предостерегал читателей, чтобы они не приписывали ему авторство контрреволюционной антиякобинской статьи. При этом он подчеркивал абсолютно отличное своих политических убеждений от взглядов Андре Шенье.

4 марта и 20 апреля Мари-Жозеф Шенье написал две пространные статьи, напечатанные в газете «*Moniteur*» и направленные против антиякобинских статей А Шенье.

В первой статье — «Об обществе друзей конституции» — автор «*Карла IX*» отмечает крайнюю резкость памфлета Андре Шенье и предупреждает брата об опасности его позиции. «Никто не облек подобные обвинения в более резкую форму. Я считаю, что он находится в заблуждении, и в заблуждении опасном»¹.

Далее Мари-Жозеф Шенье говорит, что вся внешняя и внутренняя контрреволюция единым фронтом выступает против якобинцев, возглавляющих революционный французский народ. При этом он показывает несостоятельность приемов полемики у Андре Шенье, который оперирует голословными утверждениями. Опираясь на факты, Мари-Жозеф в острой полемической форме убедительно опровергает злобные инсинуации против якобинцев:

«Эти общества (т. е. якобинские общества — Ю. Б.), составленные из депутатов, должностных лиц, юристов, философов, литераторов, коммерсантов, артистов, рабочих, землевладельцев, избочлены перед Францией и Европой как школы лжи, разбойничества и человекоубийства.

Их обвиняют в призыве к непрерывному нарушению законов и проповеди презрения к собственности, и восемь страниц подобных утверждений не подкреплены никакими доказательствами. И это произведе-

ние достойного уважения человека, который жалуется, что часто слышит, как разоблачают без доказательств министров и других государственных деятелей. То, что он (т. е. А. Шенье — Ю. Б.) считает несправедливым в отношении их, разве похвально в том случае, когда речь идет о четырех сотнях тысяч граждан¹, «преступление» которых состоит только в том, что они заботятся об общественном благе и пользуются правом, гарантированным Конституцией?»². Мари-Жозеф считает, что массовые организации и клубы весьма полезны стране.

Далее он предлагает устранить министерство Монморена, Нарбона и Бертран де Молльвиля и сменить в правительстве всех «людей, потерявших доверие нации». Мари-Жозеф прямо говорит, что Андре является единомышленником зисийских реакционеров, что его требованиям рукополюдут все враги Франции, всл внешняя и внутренняя контрреволюция: эмигранты («люди Кобленца»), австрийский император Леопольд и его министры, мятежные священники, открыто контрреволюционные газеты, умеренные газеты, конституционный клуб (т. е. клуб Фельянов — Ю. Б.), Малле дю Нан, Питра, «деятели верхней палаты», «Клуб 1789 года», «Кабинет для чтения»³.

Он считает, что уничтожение якобинских клубов не только принесло бы огромный вред нации, но и означало бы уничтожение принципов политического равенства, провозглашенного конституцией.

Мари-Жозеф говорит, что интриги и темные замыслы строят не якобинцы, а умеренная партия, имевшая значительное влияние среди избирателей Парижа в 1791 году и выдвинувшая к правлению в Париже и в столичном департаменте бездарных людей, наносящих большой ущерб делу революции⁴.

М.-Ж. Шенье не только стремится разбить доводы А. Шенье, но и убедить честных, но заблуждающихся людей из лагеря реакции в ошибочности и пагубности

¹ Количество членов Якобинского клуба со всеми его филиалами в стране достигло огромной для того времени цифры — 400.000 человек

² *Oeuvres de M. J. Chénier*, t. I—V, P., 1824—1826; t. V, p. 23—24.

³ Там же, стр. 21—22; 32.

⁴ Там же, стр. 29—30.

¹ *Oeuvres de M.-J. Chénier*, t. I—V, P., 1824—1826; t. V, p. 23.

их позиции. Он подчеркивает, что узы родства не мешают ему критиковать Андре: «Среди врагов якобинцев я обращаюсь только к тем, кто открыто объявляет, что безоговорочно любит свободу и конституцию. Среди них есть гражданин, который связан со мной узами крови и родства...», но в общественных вопросах любовь к истине выше всего...¹.

Новая статья Мари-Жозефа — «Новые размышления о патристических обществах» — была ответом на вторую статью Андре Шенье.

Вначале Мари-Жозеф выражает сожаление, что его брат находится в противоположном лагере: «Я опровергаю мнение брата, в котором я хотел бы всегда найти соратника и никогда — противника»².

Далее он говорит, что основные положения второй статьи Андре развивают содержание его первой антиякобинской статьи. Мари-Жозеф опровергает клеветнические утверждения Андре Шенье о том, что якобинские общества состоят якобы из богемы и преступных элементов. Мари-Жозеф говорит, что в бедствиях Франции виновны не якобинцы, а контрреволюционеры и «умеренные», что беспочвенными являются также обвинения в стремлении якобинских обществ к диктатуре.

Далее якобинский публицист показывает полную несостоятельность реакционных утверждений Андре Шенье о том, что якобинцы — заговорщики. Якобинские общества представляют почти всю нацию, — говорит он, — поэтому абсурдно называть их заговорщиками.

Демократизм Мари-Жозефа проявляется не только в приверженности якобинской партии, но и в горячем сочувствии к плебейским слоям народа. Осуждая аристократов (*les honnêtes gens*), он говорит о почетности клички «санкюлот». «Люди, составляющие ничтожное меньшинство, называют заговорщиками огромное большинство нации. На самом деле, они так называют не только якобинцев, но и всех тех, кто беден, и даже всех тех, кто совсем не владеет собственностью, т. е. тех, кто составляет опломное большинство нации. Именно этой подлинной основе Народа враги общественного дела столь изобретательно дали славную кличку санкюлотов (*des*

sans culottes)»¹. Врагами свободы Мари-Жозеф считает не только феодальных реакционеров, но и крупных собственников биржевиков. В 1792 году он последовательно стоял на позициях наиболее реакционной партии якобинцев, подчеркивая выражая свои симпатии немущей к ним «третьего сословия».

М.-Ж. Шенье требует от тогдашнего правительства решительно защищать завоевания революции от посягательств реакции. В единодушной ненависти контрреволюционеров всех оттенков, в том числе и Людовика XVI, к якобинцам, он справедливо видит лучшее доказательство патристичности якобинских обществ, их популярности в народе и необходимости их сохранения. «Короли, бывшие дворяне, бывшие судебские чины, священники, крупные собственники, биржевики..., все контрреволюционные и умеренные партии и внутри Франции, и за ее пределами, объединились чтобы уничтожить патристические общества... Эта единодушная ненависть доказывает мне со всей очевидностью популярность этих патристических обществ, и остаюсь при убеждении, что... необходимо горячо любить и защищать эти клубы, как самый прочный оплот Свободы и Равенства»².

Мари-Жозеф Шенье подчеркивает политический характер своего творчества. Он объявляет себя политическим писателем и партийным деятелем (*homme de parti*), выражая свою преданность якобинцам. — «Я с удовольствием думаю о том, что друзья Равенства заинтересованы в успехах произведений, которые внушают пламенную любовь к нему. Если в этом заключается моя приверженность к партии якобинцев, то я желаю этого»³. Он подчеркивает свою враждебность к компромиссу, свое стремление быть принципиальным и последовательным в отстаивании интересов революции, свою готовность умереть за дело свободы. Мари-Жозеф говорит, что несмотря на родственные чувства к брату Андре, он его разоблачает как реакционера, что его ре-

¹ Там же, стр. 42. К. Маркс и Ф. Энгельс слово «санкюлот» считали почетным, противопоставляя его «*honnêtes gens*». Соч., т. IV, стр. 185.

² Соч. М.-Ж. Шенье, т. V, стр. 41.

³ Там же, стр. 46—47.

⁴ Там же, стр. 37—42; 46—48.

¹ Там же, стр. 22—23.

² Там же, стр. 36—37.

кость в адрес брата вызвана причинами не личного характера, а принципиальными.

Так проходила полемика между братьями, важный и яркий эпизод межпартийной борьбы 1792 года. Это не личная ссора, как утверждают реакционные критики, а одно из проявлений борьбы между якобинцами и фельянами¹.

В то время, как Мари-Жозеф сражался против Андре Шенье, Марат и другие видные якобинцы, по свидетельству современников, вели ожесточенную борьбу против другого лидера фельянов — Лафайета, рабоблачая его как предателя революции².

* * *

С деятельностью М.-Ж. Шенье в Якобинском клубе связано также его участие в чествовании швейцарцев полка Шатовье

в марте—апреле 1792 года, которое почти совпало по времени с вышеизложенной полемикой.

Как отмечает Ф. Энгельс, во время революции во Франции наемные войска швейцарцев в целом были оплотом реакции¹. Тем более значителен подвиг швейцарцев — наемников полка Шатовье в г. Нанси, которые перешли на сторону революционного народа (28—31 августа 1790 года). Жестокая расправа реакционеров с восставшими вызвала негодование революционных масс и новые волнения в армии. Революционная общественность во главе с якобинцами требовала реабилитации и возвращения с галер оставшихся в живых солдат полка Шатовье. Законодательное Собрание под нажимом левых кругов декретировало освобождение осужденных.

По свидетельству газеты «Парижские революции» от 24—31 марта 1792 года М.-Ж. Шенье вместе с другими «славными патриотами» принимал активное участие в организации всенародного чествования амнистированных швейцарцев как борцов за свободу и «мучеников за революцию»². 24 марта 1792 года, по поручению Якобинского клуба, плебейских секций и предместий Сен-Антуан и Сен-Марсо, М.-Ж. Шенье, Давил, Ион и Теруань, сопровождаемые многочисленной толпой мужчин и женщин, доставили в Парижскую Коммуну петицию. В ней они пригласили Совет Коммуны присутствовать на празднестве. В петиции гневно осуждался генерал Буйе и другие преследователи и палачи солдат полка Шатовье и прославлялся подвиг восставших, подчеркивалась воспитательная цель праздника и его важное политическое значение. Петиция гласила: «Господин Мэр, господа! Через несколько дней мы примем в свою среду наших братьев, солдат полка Шатовье; их кандалы разбиты по воле Национального Собрания, их преследователи избежали меча закона, но не позора. Скоро эти отважные воины снова увидят Марсово Поле, где их сопротивление деспотизму подготовило торжество справедливых законов, скоро они обнимут своих братьев по оружию, сих славных

¹ Современники-роялисты также признавали принципиальный характер этой полемики, одобряя при этом деятельность Андре Шенье и осуждая последовательную революционную позицию Мари-Жозефа Шенье. Так, Болье писал:

«...Огромное расхождение... революция вызывает в судьбе самых близких родственников, удивительно несоответствие, которое она заставляет обнаружиться в их чувствах, в их характере. У якобинцев не было более неустрашимого, более опасного противника, чем г-н Андре Шенье, а Мари-Жозеф Шенье, его брат, был одним из самых дерзких их корифеев: один беспощадно набросился на них в «Парижской газете», другой же изо всех сил защищал их в «Мониторе». Г-н Андре Шенье ежедневно поражал их громом и молнией, своей верной и строгой диалектикой спора, прозой, столь же прекрасной, как и нервной, а г-н Мари-Жозеф прославлял их как в прозе, так и в стихах, иногда довольно красивых. Наконец, оба брата напали друг на друга прямо и косвенно ради интересов секты. Г-н Андре Шенье обличал якобинцев и их агентов как шайку глупцов и мошенников, а г-н Мари-Жозеф, казалось, разрывался на части, чтобы быть одновременно командиром и солдатом в их когортах. Отвержение первого к этой партии привело его к смерти, в то время как, следуя за ее кровавыми знаменами, второй вознесся почти на вершину колеса фортуны...». (Beaulieu C. F. *Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution de France*. T. 1—6, P., 1801—1803; T. 3, p. 185—186.

² Beaulieu, указ. соч., т. 3, стр. 186—188.

¹ Ф. Энгельс, *Гражданская война в Швейцарии*, Соч., т. V, стр. 231, 232.
² Либи, указ. соч., стр. 96—97, стр. 108.

Французских Гвардейцев¹, чье героическое неповиновение они разделили. Братская благотворительность и высшие почести воздадут солдатам Шатовье долг, который родина им обязана. Этим навеки будут вознаграждены усилия гражданской доблести. Это волнующее празднество всюду будет внушать ужас тиранам, надежду и утешение патриотам. Этим мы докажем Европе, что народ не является неблагодарным, как деспоты, и что нация, ставшая свободной, умеет награждать защитников свободы, как и поражать заговорщиков, даже у подножия трона. Множество граждан облекло нас миссией к вам, которую мы преданно и с радостью выполняем: в нашем лице они приглашают вас быть участниками этого празднества, которое преданность отечеству и искусства² скоро сделают внушительным и достопамятным. Путь избранные народом должностные лица почтят своим присутствием триумф мучеников за дело народа: закованные в кандалы, они сохранили ту внутреннюю и нравственную свободу, которую у них не в силах отнять никакие короли. Родина оттиснула на их цепях клятву «Жить свободными или умереть», подобно тому, как она запечатлела ее в ваших и наших сердцах и в сердцах всех истинных французов.

Подписи: Мари-Жозеф Шенье, Теруань, Давид и Ион»³.

Написанная в торжественном, приподнятом стиле, эта петиция выражает дух эпохи и является одним из образцов ораторского искусства французской революции⁴.

Генеральный совет Парижской Коммуны (Манюэль, Дантон, Панис, Сержан) согласился присутствовать на празднике. Конституционалисты его не одобряли. Значительная часть Законодательного Собрания также враждебно встретила чествование

¹ Имеется в виду полк французской гвардии, который первым перешел на сторону народа и сыграл большую роль при взятии Бастилии.

² В художественном оформлении этого революционного празднества приняли участие видные деятели искусства, в том числе Давид.

³ Текст петиции приведен по книге современника Шенье — Болье, Beauhieu, указ., соч., т. 3, стр. 273—277, откуда же взяты и некоторые детали, связанные с нею.

⁴ По-видимому М.-Ж. Шенье и был составителем этой петиции, по крайней мере, своим стилем она близка его произведениям и статьям этого периода.

солдат Шатовье, ставшее праздником народа, парижских секций, плебса Парижа. Народ радостно приветствовал солдат Шатовье¹.

Фельяны и явные роялисты (Руше, Андре Шенье, Дюпон де Немур, Гюден, Шерон и другие), были возмущены. Если для якобинцев швейцарцы Шатовье — «мученики за народное дело», «борцы за свободу», то для фельянов — это «воры» и «убийцы», «каторжники» и «нарушители присяги», какими их считал Андре Шенье, игравший активную роль в борьбе фельянов против этого празднества. Эта деятельность Андре Шенье, ставшего видным и талантливым, но реакционным публицистом, имела особенно резко контрреволюционный характер. Позже, во время якобинской диктатуры, протест против этого празднества был приведен в обвинительном заключении революционного трибунала как один из доводов за осуждение Андре Шенье к смертной казни².

Чествование швейцарцев Шатовье состоялось 15 апреля 1792 г. Оно было, по выражению газеты «Парижские революции» (№ от 14—21 апреля), первым «празднеством Свободы» и явилось яркой демонстрацией патриотов против внутренней и внешней контрреволюции³. Это революционное празднество также имело открыто республиканский характер.

Для него Шенье написал стихотворение «Марш Шатовье» — «Ода на войну за Свободу» («Marche Chateaufvieux» — «Ode sur la guerre de la Liberté»). Положенное на музыку, оно было исполнено во время торжественной манифестации.

«Ода на войну за Свободу» дышит глубоким и искренним воодушевлением, политическим пафосом, как и другие произведения Шенье. Написанная накануне объявления войны Австрии и Пруссии, «Ода...» выражала в поэтической форме призыв к революционной войне против общеевропейской феодальной реакции. Войну 1792 года Шенье понимает не толь-

¹ Болье, указ., соч., т. 3, стр. 278, 281.

² В статье об Андре Шенье в БСЭ, т. 62 (первое издание) неправильно изложена роль А. Шенье в этом вопросе, как и весь вопрос о швейцарцах Шатовье.

³ Об этом празднестве и деле швейцарцев Шатовье см. Болье, указ., соч., т. 3, стр. 278—288.

ко как борьбу против реакции и интервенции, в защиту революционного отечества, но и как освободительную войну, несущую народам Европы избавление от феодального рабства:

Этот клич благородный раздался
От Балтийских до Тибровых вод:
Королей-узурпаторов трон
зашатался,
Вся Европа Свободу зовет!

Пусть оружием оружие встречают!
Разгорается бой с палачом.
Пусть в руках ваших плуг,
перекован, блистает
Тираноубийства мечом!

Перефразируя известный лозунг того времени «Мир — хижинам, война — дворцам», поэт восклицает:

Восстаньте! Одним лишь тиранам
Грозим мы сраженья огнем,
Мы ужас несем их дворцам, но, не
странам,
Мы хижинам вольность несем¹.

Перевод Е. Ф. Куниной².

Шенье видит только благородную, революционную сторону этой войны, не понимая того, что крупная буржуазия использовала ее в своих экономических и политических интересах, стремясь приобрести рынки сбыта и ослабить классовую борьбу внутри страны за счет внешней экспансии. Эти мотивы оды соответствуют позиции, которую в тот момент занимали Якобинский клуб, Законодательное Собрание и подавляющее большинство политических деятелей, а также — доминирующим настроениям революционной общественности и народных масс Франции, охватенных огромным патристическим подъёмом. Весь левый фланг революционного лагеря, за исключением Робеспьера и газеты «Парижские революции», стоял за немедленную войну против феодально-монархической коалиции.

«Ода...» отличается яркой республиканской направленностью, сочетающейся с идеями «мировой революции». Она при-

зывает народы Европы и всего мира революционным путем освободиться от ненавистного «ига своих надменных властелинов», от «тиранов планеты» и власти «королей-узурпаторов». Ода зовет немцев и итальянцев последовать примеру французов: немцы должны «снова стать франками», а итальянцы — проникнуться «республиканскими добродетелями» своих далеких предков — древних римлян. Идеализируя древний Рим периода республики, Шенье восторгается «античным величием» его гражданственности. Он выражает желание, чтобы разверзлись древние гробницы и воскресли Гракхи, Помпей и Эмилия, чтобы ожили души Катона и Брута и отомстили за угнетенную современную Италию. Шенье приглашает «дружественные народы» прийти «как желанные гости», чтобы принять участие в празднестве *Свободы* и *приобщиться* к ликованию своих братьев.

В «Марше Шатовье» Шенье не только выступает от имени всей революционной нации, но говорит также о классовых противоречиях, социальном расслоении внутри «третьего сословия». В «Оде» содержится признание противоречий между богатством и бедностью и их различного отношения к революции, при этом симпатии Шенье на стороне плебейства: бедняки, а не богачи — подлинная опора революции:

Богач от развешства укрылся
Под кров достатка своего.
Бедняк к свободе сердцем устремился
То благо верное его¹.

* * *

Деятельность Шенье как члена Якобинского клуба в мае—июле 1792 года, т. е. в самый напряженный период 1792 года, непосредственно предшествовавший революции 10 августа, засвидетельствована в протоколах заседаний Якобинского клуба (сборник Олара) и также характеризует его как республиканца, патриота революционного отечества и противника фельянов и роялистов, яростным адептом которых выступал Андре Шенье. Мари-Жозеф Шенье уделял много внимания не только борьбе против внутренней контрреволюции, но и защите страны от нависшей угрозы иностранного вторжения, от наступавших войск интервентов и эмигрантов.

¹ Oeuvres de M. J. Chénier, t. I—V, P., 1824—1826; t. III, p. 326—327.

² Переводы всех стихотворных отрывков из произведений Шенье, в том числе из трагедии «Гай Гракх», цитируемых в данной статье, принадлежат Е. Ф. Куниной. Все отрывки переведены впервые

¹ Там же, т. III, стр. 326—328.

Шенье вместе с Робеспьером старался оградить клуб от проникновения в него роялистов (заседание 27 мая 1792 года)¹.

На заседании 1 июня Шенье был избран одним из трех секретарей Якобинского клуба². Вместе с Эро де Сешеллем, Шабо, Колло д'Арбуа, Одуэном, Фабром д'Эглантином, Реалем, Марибоном-Монто, Гарраном, Матье, Шенье подписал ряд обращений клуба ко всем филиалам в провинции, приглашенных на заседаниях и напечатанных в газете «Французский патриот». Одно из них было посвящено образованию «Общества юных французов» — школы для детей, сирот погибших революционеров (заседание 4 июня)³. Другие обращения клуба указывают на серьезное и опасное положение страны: наступление войск интервентов сопровождается активизацией внутренних контрреволюционеров. Обращения призывают всех граждан к единству во имя спасения родины и революции, разоблачают «Австрийский комитет», роялистов, мятежных священников, а также фельянских генералов, слабо готовящих военные силы к отпору наступающим войскам коалиции, и зовут к бдительности против контрреволюционных заговоров и к борьбе не на жизнь, а на смерть. Далее указывается, что задачей патриотических обществ в этот критический момент является морально-политическое воспитание народа: они должны воспитывать у граждан любовь к свободе, конституции и правам человека, патриотизм, отвращение к деспотизму, готовность до конца сражаться за дело революции.

«Когда общественное благо в опасности, долг патриотов — сплотиться, чтобы защищать его... Братья и друзья, свобода находится под угрозой. В своей безумной надменности деспоты еще смеют обольщать себя преступной надеждой уничтожить свободу и поработить нас. Опасные враги напали на нас извне, не менее опасные враги плетут интриги и строят заговоры внутри страны; враги народного дела сняли, наконец, неудобную маску, прикрывавшую их мерзкий аристократизм.

...Пусть все честные граждане сплотятся, пусть они объединят все свои средства, таланты и силы, чтобы отразить об-

щего врага; и пусть патриотические общества станут самым прочным оплотом Конституции, так будем же самоотверженно трудиться ради их умножения.

...Добродетель, патриотизм, честность являются ныне и впредь будут синонимами на языке французов...» (заседания 6 июня и 20 июня)¹.

Следующее обращение было принято на чрезвычайном заседании 21 июня 1792 г., вызванном вторжением граждан предместий Сен-Антуан и Сен-Марсо в резиденцию Людовика XVI — Тюильри. Народная манифестация 20 июня расценивается здесь как «великое и спасительное движение», проявление патриотизма и гражданственности, как отпор «контрреволюционным действиям двора» и упрек колеблющимся членам Законодательного Собрания. Обращение бичует, как контрреволюционеров, Людовика XVI и его пособника Лафайета.

«...В то время как король, ослепленный предассудками и увлекаемый изменническими советами, почти выронил из своих рук конституционный скипетр, Лафайет, принадлежащий к его лагерю, протягивает монарху и Национальному Собранию покровительственную руку и угрожает всем честным гражданам королевства.

Посланный вести войну против австрийцев, он объявил ее якобинцам, другими словами, он не хочет сражаться против Австрии. Он должен давать нам победы, а он посылает нам поучения или вернее оскорбления...»².

Шенье предложил Якобинскому клубу присоединить к нему новые провинциальные общества, мотивируя эту меру необходимостью сплочения всех патриотических сил перед лицом возросшей опасности со стороны роялистов и Лафайета (заседание 28 июня)³. Против Лафайета Шенье выступил также на заседании 20 июня⁴.

Другие протоколы констатируют, что Шенье зачитал собравшимся послание граждан г. Бреста, в котором они заверяли клуб в своей готовности к походу на столицу (заседание 22 июня) и обращение граждан г. Гренобля, одобряющее не-

¹ Там же, т. III, стр. 665—667. т. IV, стр. 27—29.

² Там же, т. IV, стр. 32—35.

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 22.

¹ Aulard. La Société des Jacobins, т. III. р. 614.

² Там же, стр. 646.

³ Там же, стр. 659—660.

давнее вторжение народа в Тюильри (заседание 25 июня). Якобинский клуб встретил их бурными аплодисментами и постановил напечатать их и разослать всем провинциальным отделениям¹.

Шенье возражал против назначения генерала Паоли на пост командующего, считая, что во главе революционной армии должен стоять француз, а не иностранец (заседание 6 июля). Это недоверие к итальянцу Паоли было вызвано тем, что иностранные генералы в то время часто действовали в пользу контрреволюции и «умеренных». 30 июля, когда в Якобинском клубе был оглашен манифест герцога Брауншвейгского, вызвавший огромное негодование присутствующих, Шенье зачитал письмо из г. Метца о патриотическом движении в армии².

С политической идеологией Якобинского клуба на тогдашнем этапе его деятельности и отчасти клуба Кордельеров связан «Гимн Равенству» (Hymne à l'Egalité), написанный в июне 1792 года и исполненный на революционном празднестве, посвященном годовщине уничтожения дворянских привилегий, которое состоялось 19 июня. В нем говорится о благодетельности Равенства, его важности для судеб французского народа: оно уничтожает пережитки и устой феодализма, аристократические титулы и привилегии, весь реакционный средневековый хлам, завоевывает права народам и устанавливает новые, более справедливые законы.

Сей день — священный для отчизны,
Он славен благостью твоей

Лей бесконечны свет счастливых,
Денница яркая добра
И тирании блеск фальшивый
Разрушит Равенства пора
Он отойдет во тьму nocturne
Пред ликом солнечным твоим,
Плодотворишь ты глубь земную,
Свет даришь небесам самим³.

* * *

События стремительно двигались к революции 10 августа 1792 года, которая непосредственно подготавливалась в обстановке крайнего внутривластного напряжения и интервенции извне. Войска интервентов вторглись во Францию 22 июля в Париже и в стране объявляется

призыв «Отечество в опасности». Происходит запись волонтеров в армию. 28 июля в Париже стал известен наглый ультиматум-манифест герцога Брауншвейгского Народные массы и якобинцы требуют низложения короля, в то время как жирондисты и большинство Законодательного Собрания противятся этому.

Шенье принимал активное участие в подготовке и осуществлении народной революции 10 августа 1792 года, которая окончательно свергла монархию во Франции и положила начало «критическому периоду Французской революции (Энгельс)¹. В этих событиях, главной движущей силой которых были жители плебейских предместий Сен-Антуан и Сен-Марсо, «народ практически утвердил свою власть благодаря перевороту 10 августа»².

Он входил в делегацию граждан секции Библиотеки (секции дочерей св. Фомы), которая явилась 5 августа в Законодательное Собрание с требованием уничтожить монархию. Петиция этой секции, написанная М.-Ж. Шенье, была оглашена Колло д'Эрбуа и обличала других петиционеров, защищавших Людовика XVI. Как констатируют протоколы заседаний, она была встречена бурными аплодисментами левого крыла Собрания и трибун для гостей³.

М.-Ж. Шенье был одним из руководителей вооруженного восстания. Вместе с Эрбером, Шометтом, Робеспьером и многими другими якобинцами, он входил в состав повстанческой Парижской Коммуны, которая была образована из представителей всех 48-ми секций Парижа и возглавила восстание революционной Франции против монархии. Как явствует из протоколов заседаний Коммуны 9—10 августа 1792 г., Шенье был в ней представителем «секции 1792 г.» (бывшей секции Библиотеки)⁴.

По свидетельству роялиста Пельтье (Peltier) поэзия Шенье оказывала сильное революционизирующее воздействие на массы. «. Поэты и музыканты были охвачены восторгом не в меньшей степени, чем артисты. Шенье сочинял гимны, Госсек перелагал их на музыку, и во вре-

¹ Письмо Ф. Энгельса к В. Адлеру от 4 декабря 1889 г. Маркс и Энгельс, Избр. письма, М., 1947, стр. 413.

² Ф. Энгельс Положение Германии (Соч., т. V, стр. 7).

³ Archives parlementaires, t. 47, p. 502.

⁴ Buchez et Roux Histoire parlementaire, t. XVI, p. 410—431.

¹ Там же, стр. 36, 49.

² Там же, стр. 77, 78, 159.

³ Oeuvres de M.-J. Chénier. T. I—V. P. 1824—1826, t. III, p. 352—354.

мя спектаклей и на городских площадях распевались гражданские гимны Шенье и Госсекса...¹.

Как представитель враждебного революционного лагеря, Пельтье негодует, что Шенье был автором петиции, написанной по поручению Парижской Коммуны и от имени всех секций Парижа требовавшей от Законодательного Собрания смещения Людовика XVI и уничтожения монархии. «... Эта петиция, дерзость которой никого больше не удивляла, была составлена поэтом Шенье... Таковы были люди, которые называли Людовика XVI королем-изменником и нарушителем клятвы...»². Пельтье подтверждает тот факт, что Шенье в качестве комиссара от «пассивных граждан» секции Библиотеки входил в штаб восстания — секретный комитет, непрерывно заседавший в здании Ратуши в ночь с 9 на 10 августа под председательством Марата и Паниса³.

Другой роялист и эмигрант Болье (Beaulieu) также называет М.-Ж. Шенье среди «главных зачинщиков восстания» 10 августа⁴.

Факты участия Шенье в народной революции 10 августа и других важных событиях 1792 года, удостоверенные не только свидетельствами современников, но и подлинными историческими документами, игнорируются или извращаются реакционными буржуазными литературоведами и историками.

Последующая деятельность Шенье была не менее бурной. В августе—сентябре 1792 года весьма злободневным стал лозунг «всемирной революции». Идеи активной борьбы против зарубежной феодальной реакции имели тогда глубоко революционное и патриотическое значение. Их отстаивали якобинцы и повстанческая Парижская Коммуна, которая 13 августа приняла постановление по этому вопросу.

Эти идеи нашли отражение в речи, которую произнес Шенье 24 августа в «чет-

вертый год Свободы», в Законодательном Собрании от имени делегации петиционеров всех парижских секций. Приветствуя прогрессивных людей других стран (Англии, Германии, Польши, Италии, Швейцарии, США), он говорил, что иностранные граждане, которые проявили сочувственное отношение к революционной Франции или своей деятельностью «способствовали созреванию человеческого разума и подготовили пути для свободы, должны рассматриваться как союзники французского Народа». Он требовал, «чтобы звание французского гражданина было даровано всем иностранным философам, которые бесстрашно поддерживали дело свободы и весьма заслужили уважение человечества... смелым философам, которые подкопали основания тирании»¹.

К их числу он отнес таких политических деятелей, писателей и ученых, как Томас Пейн, Пристли, Мекинтош, Песталоцци и другие, — все они, по словам Шенье — «апостолы свободы, мученики за свободу»².

Патриотизм сочетается здесь с уважением к другим нациям и горячим сочувствием ко всему передовому у них. Оратор подчеркивает международное значение французской революции, считая борьбу французов против феодализма долгом не только перед своей родиной, но и перед всем свободолюбивым человечеством. Французская революция, по мнению Шенье, лишь начало всемирной революции. Он ратует за международную солидарность прогрессивных людей всего мира с революционной Францией — за «всеобщее братство» (*fraternité universelle*) народов, стремящихся освободиться от феодального рабства. Он выражал страстное желание, чтобы во всем мире «Свобода воздвигнулась на развалинах феодального здания и монархического колосса, чтобы все Наций в один прекрасный день смог-

¹ Aulard, Evolution des idées politiques entre le 10 août et le 22 septembre 1792 (в журн.: «Révolution française» t. 36 1899, p. 232).

M.-J. Chénier Petition à l'Assemblée Nationale sur l'admission d'étrangers aux droits des citoyens français. 24 août 1792 (an IV de Liberté). Oeuvres de M.-J. Chénier, t. V. p. 49—53.

Archives parlementaires, t. 48, p. 688—689.

² Там же.

¹ Peltier Histoire de la Révolution du 10 août 1792. T I—II. Londres, 1795, t II, p. 105—106.

² Там же, T I. стр. 35—36

³ Там же, т. I, стр. 120—121, т. II, стр. 493.

⁴ Beaulieu, указ. соч., т. III, стр. 446. Пельтье и Болье, как роялисты, события революции излагают в реакционном освещении.

ли спокойно вздохнуть под сенью Равенства»¹.

Шенье выразил сочувствие также угнетенным колониальным народам—индусам и неграм, предлагая дать высокое звание гражданина революционной Франции также тем людям, которые в то время боролись за права этих народов: Вильберфорсу—защитнику негров, Вильяму Боту, автору книги «История Бенгалии», преследуемому за обоснование прав индусов жить свободными без вмешательства англичан². Здесь содержится косвенное осуждение английской колониальной политики и травли негров в США и других странах.

Эти мысли и предложения Шенье поддержал председатель Законодательного Собрания Эро де Сешелль, чья ответная речь также имела резко выраженный антимонархический, республиканский характер. Эро де Сешелль подчеркнул принципиальное различие между политикой революционных властей и французских монархов в отношении иностранцев. Если Людовик XIV заискивал перед иностранными учеными, движимый честолюбием, то революционная Франция, давая гражданство, проявляет уважение к людям, которые «осмелились разговаривать на языке Свободы и Равенства перед своими поработенными согражданами», этим самым она приобщает их к своей славе. В отличие от коронованных деспотов, «свободная Франция не дает золота, потому что она не выпрашивает для себя похвал»³.

Среди депутатов Законодательного Собрания речь Шенье вызвала оживленную дискуссию, после которой его предложение большинством голосов было принято и положено в основу декрета, встреченного бурными аплодисментами присутствующих⁴. Через день, 26 августа, Собрание подтвердило этот декрет и огласило имена лиц, которые подлежали натурализации⁵.

Такие же мысли высказывал Анахарсис Клоотс, говоривший о «всемирной республике» в Законодательном Собрании 27

августа и 9 сентября 1792 года и другие деятели революции в Якобинском клубе, Законодательном Собрании, а позже в Конвенте¹.

27 августа 1792 года состоялась торжественно-траурная церемония, посвященная памяти повстанцев, погибших 10 августа при взятии Тюильри. На ней, как констатирует газета «Парижские революции» в номере от 25 августа—1 сентября, Шенье произнес «...речь, которая была встречена аплодисментами и за напечатание которой голосовал сам народ». Были исполнены также четыре четверостишия, написанные Шенье по этому случаю².

17 августа 1792 года в результате победы революции 10 августа, был создан вопреки воле жирондистов, по настоянию якобинцев и демократической Парижской Коммуны, Чрезвычайный трибунал для подавления контрреволюции (декрет Законодательного Собрания по докладу Эро де Сешелля). В августе—сентябре 1792 года Шенье участвовал в работе этого трибунала. Современники Шенье из лагеря феодальной реакции яростно осуждали эту деятельность, как якобы несовместимую с поэтическим призванием и служением искусству. Говоря о личном участии Шенье и других якобинцев в обыске и аресте казненного потом роялиста Делапорта, Болье метал громы и молнии против литераторов, которые «сделались полицейскими агентами Парижской Коммуны» и «не раз оставляли лиру Аполлона, чтобы вооружиться кнутом фурий...».

В начале сентября 1792 года, в связи с обострением политического положения в стране и усилением угрозы стране и революции вследствие приближения войск интервентов к столице, в Париже и в провинции начались массовые стихийные расправы народа с контрреволюционными элементами. По свидетельству современников, Шенье вместе с Колло д'Эрбуа, Дантоном, Анахарсисом Клоотсом, Шабо, Фабром д'Эглантинном, Камиллом Демуленом и другими принимал участие в «сентябрьских событиях». 2 сентября он руководил секцией Библиотеки, приказав при этом

¹ Соч. Шенье, т. V, стр. 50—53.

² Там же, стр. 51.

³ Archives parlementaires, t. 48, P. 689. Сочинения Шенье, т. V, стр. 53—54.

⁴ Archives parlementaires, t. 48, p. 688—691. Болье, указ. соч., т. IV, стр. 87—88.

⁵ Олар, указ. соч., стр. 232.

¹ Там же, стр. 232—235. См. также другую работу Олара: L'Opinion republicaine et l'Opinion royaliste sous la première République, (в журн. «Révolution française» t. 36, 1899, стр. 481—512).

² Либби, указ. соч., стр. 97—98.

расстрелять одного из телохранителей Людовика XVI¹.

5—21 сентября 1792 года проходили выборы в Национальный Конвент. В число кандидатов в депутаты был включен и М. Ж. Шенье, который баллотировался в Парижском избирательном округе.

Выборы в Конвент проходили в обстановке огромного патриотического подъема и вооруженной борьбы против интервентов, приближавшихся к Парижу.

Во время выборов в Конвент происходит дальнейшая республиканизация общественного мнения и политической идеологии Франции и окончательная кристаллизация идеи республики как злободневного вопроса современности. Роялисты и конституционалисты в этот момент молчали, так как монархия в любой форме была тогда крайне непопулярна в народе. Ни один роялист не был избран в Конвент. Республиканские настроения были сильны и в Париже и во всем департаменте Сены и Уазы, где преобладало влияние якобинцев. Избиратели не только требовали уничтожить «изменника Луи и его отродье», но и заявили, что «не желают никаких династий». Вместе с другими кандидатами в Конвент (Гранж-Нев, Гара) М.-Ж. Шенье, выступая 5 сентября перед избирателями, дал клятву, что он будет «не на жизнь, а на смерть сражаться против сословного принципа, фанатизма и королевской власти»².

В возрасте 28 лет он был избран депутатом Конвента от департамента Сены и Уазы. Избрание Шенье в Конвент, как и участие его в революции 10 августа, было результатом его глубоких республиканских убеждений, его отхода от конституционной монархии к республике, его революционного патриотизма.

Выборы в Конвент заканчивались в знаменательные дни. 20 сентября 1792 года французские революционные войска под командованием молодых генералов и офицеров в битве при Вальми одержали крупную победу над интервентами. Она спасла столицу от вторжения врагов и положила начало победоносному наступлению революционных армий. Эти победы были следствием того, что французский народ вел тогда справедливую, освободи-

тельную народную войну, защищая дело прогресса и революционное отечество от реакции и иностранных захватчиков.

21 сентября собрался Национальный Конвент, верховный орган власти в стране. 22 сентября Конвент провозгласил республику во Франции.

Таким образом, в период от начала революционных войн до сентябрьских событий 1792 года М.-Ж. Шенье находился в числе видных якобинцев (Марат, Дантон, Робеспьер, Бильо-Варенн и другие), пользовавшихся влиянием в парижских секциях. Вместе с ними Шенье был комиссаром Якобинского клуба в секциях. При этом различные источники отмечают тесную связь между деятельностью Шенье в Якобинском клубе и представлениями его республиканской трагедии «Гай Грахх» в феврале-марте 1792 года.

Классики марксизма-ленинизма, отмечая историческую и классовую ограниченность якобинцев, вместе с тем ценили их очень высоко, подчеркивая их принципиальность, преданность прогрессивным идеям своего времени, решительность в борьбе с реакцией, пламенный патриотизм, их связи с народом, поучительность их опыта для пролетарских революционеров. И хотя эти положительные оценки относятся, главным образом к 1793—1794 годам, т. е. к периоду якобинской диктатуры, тем не менее они в значительной мере справедливы и по отношению к незабываемому 1792 году—периоду победоносной борьбы французского народа за республику и защиты революционного отечества от внутренней реакции и иностранных захватчиков. А М.-Ж. Шенье, как видно из вышеизложенного, был в это время активным участником этой борьбы и видным членом якобинской партии. Печатью якобинской идеологии и той драматической эпохи отмечены и произведения Шенье, особенно трагедия «Гай Грахх».

* * *

Трагедия «Гай Грахх» была написана и чаще всего ставилась на сцене в самый напряженный период борьбы за республику и защиты революционного отечества от войск интервентов (вторая половина 1791—сентябрь 1792 года).

Неверно утверждение критики, считающей, что замысел этой пьесы возник у Шенье под влиянием смерти Мирабо (апрель 1791 года) и что образ главного героя трагедии—Гая Грахха вдохновлен об-

¹ Пельтье указ. соч., т. II, стр. 493. Болье, указ. соч. т. IV, стр. 53—55.

² Олар, указ. соч., стр. 133—160; 193—235; 481—512.

ликом Мирабо¹. Это слишком узкое толкование вопроса. Образ Гая Гракха в трагедии Шенье типичен: он является в известной степени обобщенным отображением деятелей революции 1789—1794 годов — не только правых, типа Мирабо, но и левых — подобных Марату, Робеспьеру, Эберу, «последним монтаньярам» и другим, — не только знаменитых исторических деятелей, но и безвестных, рядовых участников этой революции.

Мощным толчком к созданию трагедии «Гракх» была не смерть Мирабо, явившаяся только одним из эпизодов богатой событиями революции 1789—1794 годов, а начавшаяся два-три месяца спустя широкая волна республиканского движения. К сочувственному восприятию этого мощного прогрессивного движения Шенье, как отмечалось выше, внутренне уже был подготовлен раньше. На этом, более напряженном этапе революции внимание драматурга было привлечено к античной теме, которая своей огромной для того времени политической актуальностью весьма гармонировала с французской действительностью.

Премьера трагедии «Гракх» состоялась 9 февраля 1792 года во Французском Театре на улице Ришелье. В спектакле участвовали прославленные тогда актеры — Монвель и Тальма. Монвель исполнял роль Гракха, Тальма — роль Фульвия, сподвижника Гракха. Пьеса имела огромный успех у зрителей и получила высокую оценку революционной общественности и прессы.

Политическая обстановка в стране характеризуется в то время следующими моментами: подъем демократического и республиканского движения, возвращение Марата из Англии, куда он бежал в середине декабря 1791 года, из подполья выходят многие другие левые политические деятели.

Газеты эпохи отмечают борьбу между «аристократами» и «патриотами» в зрительном зале. Так, газета «Ежедневный термометр» от 11 февраля 1792 г. в рецензии на первый спектакль «Гракха» писала, что «аристократы» аплодировали высказываниям отрицательных персонажей трагедии, а «патриоты» с негодованием протестовали против этого. «...Крамолы

была подавлена гордой и угрожающей позицией патриотов».

Рецензия другой газеты — «Парижские революции» от 11—18 февраля 1792 года отмечала, что обличения сената главным героем воспринимались революционными зрителями как призыв к борьбе против монархии: «При этом стихе Гая Гракха, продекламированным Монвелом с мрачной энергией:... Вокруг нас царит тирания... (1 акт, 2 сцена) раздался почти единодушный возглас: «Да, да, в Тюильри!»». А обращение Фульвия (7 сцена III акта) к римскому плебсу покинуть свои убогие жилища, чтобы пойти против сената, в политической ситуации 1792 года также звучало как призыв к рабочим предместьям Парижа восстать против короля Людовика XVI и его приверженцев¹.

В феврале 1792 года «Гракх» шел в Театре на ул. Ришелье 9 раз. Огромный успех пьесы и ее республиканская направленность вызвали сильное недовольство двора Людовика XVI и роялистов, которые решили немедленно нанести ответный удар. С 18 февраля в театре Водевиль ставится одноактная комедия Леже «Сочинитель на злобу дня», с довольно плоским остроумием поносившая Шенье и его произведения. Газеты «Парижские революции» и «Ежедневный термометр» подчеркивали контрреволюционную подоплеку личной сатиры, содержащейся в этой пьесе. Публика театра, в большинстве своем аристократическая и крупнобуржуазная, с восторгом встретила этот сценический пасквиль.

Но 24 февраля, во время очередного спектакля, один якобинец, случайно попавший в театр Водевиль, стал протестовать против аплодисментов зрителей. Публика с криками «Да здравствует король!» — выгнала его из зала. На помощь ему пришла целая толпа патриотов. Когда зрители стали выходить из театра, якобинцы и санкюлоты стали избивать их, в том числе и лиц из придворных сфер. Как сообщила газета «Парижские революции» в № от 25 февраля—5 марта 1792 г., «изрядное количество частных лиц, посланных в Водевиль двором, чтобы освистать Нацию в лице зло высмеянного автора «Карла IX» и «Гая Гракха», были вынуждены мимоходом отдать честь той самой

¹ Либи, указ. соч., о Шенье, стр. 86—87.

¹ Цитаты из газет даны по книге А. Либи, стр. 88—90.

нации, которой они перед этим так нагло отказали в уважении». Те, кто отказывался кричать: «Да здравствует Нация!»... «были обильно окрещены в воде таявшего снега... Нарядные дамы, которых насильно удалили из экипажей, намочили свою обувь более обычного и были принуждены также кричать: «Да здравствует Нация!». Два пажа короля были тяжело ранены, один из них через два дня умер — «последствия полученного им народного воспитания» — с удовлетворением писала газета.

Сообщая об этом, газеты «Парижские революции» от 25 февраля—5 марта 1792 года и «Ежедневный термометр» от 25—26 и 27 февраля насмешки над Шенье и его трагедией «Гай Гракх» расценивают, как оскорбление, нанесенное аристократами революционной нации.

После того, как Законодательное Собрание не приняло конкретных решений для запрещения пьески Леже, а ее спектакли были возобновлены под другим заглавием, в театр Водевиль снова пришли патриоты. Как рассказывает газета «Парижские революции» в том же номере, они сорвали спектакль. Под пение «Ça ira» пьесы, «содержащая в себе куплеты, оскорбительные для Революции и патриотов», была сожжена на сцене. Газета горячо одобряет действия патриотов и защищает автора «Гракха» от нападок реакционеров, подчеркивая его патриотизм и гражданственность и относя его к числу «просвещенных приверженцев и храбрых защитников» революционной нации¹.

Таким образом, спектакли «Гракха» и инцидент с пьесой «Сочинитель на злобу дня» свидетельствуют, насколько тесно приобщился Шенье к борьбе якобинцев и народа против феодализма и самодержавия.

Подобные столкновения и сугубо политическое истолкование зрителями любой пьесы были характерной чертой эпохи, являясь одним из многих проявлений тогдашней классовой борьбы в стране. В этом проявлялся также идеологический

контроль революционной общественности над репертуаром и работой театров¹.

* * *

В основу сюжета трагедии Шенье легли события последнего этапа революционного и демократического движения древнего Рима конца II века до нашей эры возглавлявшегося Тиберием и Гаем Гракхами.

Первый акт разворачивается в доме Гракхов, в полночь. Жена Гая Гракха — Лидиния просит его отказаться от политической борьбы. Но его мать — Корнелия — призывает сына исполнить свой долг перед народом и государством, считая, что подлинное счастье заключается не в личном благополучии, а в свободе отечества (сцены 1 и 2).

Вошедший Фульвий сообщает, что правящая верхушка Рима провоцирует гражданскую войну, собираясь напасть на сторонников Гракха. Сцену заполняет народ. Гракх зовет его к борьбе против «сената-притеснителя». Перед урной с прахом Тиберия Гракха народ вместе с Гаем Гракхом и Фульвием дает клятву воплотить в жизнь его социально-политические проскты. Гай Гракх с мечом в руке проникновенно говорит о своей готовности пожертвовать жизнью за свободу народа и отомстить за убитого Тиберия (сцены 3 и 4).

Второй акт происходит на одной из площадей Рима, вблизи Капитолия. На сцене консул Опимий, трибун Друз, сенаторы, всадники, ликторы. Опимий, обращаясь к сенаторам, обвиняет Гракха в убийстве ликтора Квинта и требует подавить народное движение, испытывающее трудности (сцена 1).

Появляются Гракх, Фульвий и народ. В развернувшейся дискуссии Гракх поднимается на трибуну и, одобряемый народом, призывает уничтожить противоположность между богатыми и бедными, ликвидировать неравенство прав, восстановить чистоту нравов, разделить поровну между всеми гражданами присвоенные патрициями богатства и земли. Он разоблачает демагогические речи «народного» трибуна Друза, обвиняя его в том, что он продался патрициям.

Недовольный успехом Гракха, Опимий прибегает к оружию. Возмущенный изрод хочет расправиться с Опимием, но Гракх

¹ Цитаты из газет эпохи даны по кн. А. Либю, стр. 91—95. См. также Buchez et Roux. Histoire parlementaire, t. 13, p. 225—234.

¹ К. Н. Державин, Театр французской революции, М.—Л., 1932, стр. 100—101; 117—126.

его останавливает призывами к «законности» и «милосердию» (сцена 2).

В этот момент появляются Корнелия и Лициния с пятилетним сыном. Корнелия полна решимости умереть вместе с Гаем. С презрением отвергает она обвинения и угрозы Опимия, в то время как Лициния на коленях просит у Опимия пощадить ее мужа. Опиций предлагает принять самые суровые меры против восставших. Кроме того, он требует у Гракха его сына в качестве заложника и доказательства искренности патриотических и гражданских побуждений народного вождя. Гракх соглашается на это, несмотря на отчаяние Лицинии (сцена 3).

В третьем акте место действия остается прежним. На опустевшем форуме, на некотором расстоянии от вооруженных ликторов беседуют Опиций и Друз. Они решили погубить его с помощью интриг и коварства, клеветой уничтожить его авторитет в народе, поколебать его преданность своим идеям. В случае неудачи, они убьют его, как убили Тиберия (сцена 1).

Во время встречи с Гаем Гракхом Опиций предлагает ему должность сенатора и консула, что тот с презрением отклоняет, и даже угрозы Опимия убить сына не смогли поколебать стойкости народного вождя. Также не удалось Опимию убедить Гракха в том, что его друг и соратник Фульвий якобы изменил народному делу и перешел на сторону знати. Клевета Опимия вскоре была разоблачена самим Фульвием (сцена 2 и 3).

К Фульвию и Гракху подходят Корнелия и Лициния, которые сообщают об усилении опасности: многие римляне введены в заблуждение или куплены сенаторами. Сенат готовит декрет об объявлении Гракха и Фульвия вне закона и уже назначил плату за их головы. Лициния предлагает бежать из Рима. Но Гракх говорит, что будет до конца бороться против тиранов, несмотря на смертельную опасность. Возмущенный тем, что народ бездействует в этот критический момент, Фульвий отправляется подчать на борьбу тех граждан, которые еще сохранили верность Гракху (сцены 4 и 5).

Послышался шум и крики. Сцена заполняется массой плебеев во главе с Фульвием, который вручает Лицинии ее сына. Фульвий рассказывает, что Рим по-прежнему в волнении. По его зову бедный люд Рима, оставив свои убогие жилища, дал вооруженный отпор сенаторской партии, убив при этом Друза и освободив сына

Гракха. Но Опиций продолжает творить преступления, собрав под своим командованием множество подкупленных «рабов, вольноотпущенников, иностранцев и наемных убийц», жаждущих крови Гракха. В этих условиях трудно рассчитывать на победу, но оставшийся на стороне Гракха народ будет его защищать до конца. Если они и не победят, то сумеют достойно умереть в борьбе (сцена 7).

Наступает финал. На сцену врывается толпа вооруженных сторонников сената, во главе с Опимием и требует от восставших выдачи Гракха. Фульвий и народ образуют собою живую преграду между Гракхом и сенатской партией. Они готовы пожертвовать жизнью, чтобы «сохранить для родины Гракха». Опиций продолжает настаивать на своем требовании, угрожая народу массовым истреблением. Тогда Гракх поднимается на трибуну и обращается ко всем со взволнованной речью. Он говорит, что народ непременно обретет свободу, а патрициев постигнет заслуженная кара. Гракх прощается с сыном, матерью, женой и поражает себя Умирая, он говорит, что он щадил кровь римлян, что своей смертью он хочет оказать услугу делу свободы. Все присутствующие, за исключением Опимия, падают к ногам Гракха, потрясенные величественной смертью борца за свободу. Вслед за этим, по зову Корнелии, народ набрасывается на Опимия и убивает его. Призывом Фульвия оказать почести мертвому Гракху и продолжать борьбу заканчивается трагедия (сцена 8).

* * *

Античный сюжет и тема пьесы обладали огромной политической актуальностью для Франции того времени, они были тесно связаны с событиями и революционной действительностью 1792 года и гармонировали с повсеместным тогда культом античности¹. Эту злободневность сам Шенье и

¹ Братья Гракхи были весьма популярны в годы французской революции. Они не только упоминаются в речах, документах эпохи, стихотворениях, пьесах, но и были компонентом декоративного убранства зрительных залов театров. Имена Гракхов и Спартака в то время имели буржуазно-революционное и антифеодальное звучание, они подвергались идеализации, публицистика и художественная литература пропагандировали их. Все это обусловило чрезвычайную актуальность темы Гракхов и

критики периода революции считали достоинством пьесы.

Образы и ситуации трагедии отражают не столько события истории древнего Рима, сколько героический пафос французской революции. Гай Грахх наделен мыслями и обликом французского республиканца и якобинца, под римским плебсом подразумевается революционный французский народ, а современные контрреволюционные силы находят свое соответствие в римской знати. Этот двойной смысл образов и ситуаций пьесы необходимо постоянно иметь в виду, чтобы вполне уяснить ее подлинное революционное содержание. Такое переосмысление античности соответствовало духу, политическим и эстетическим нормам и устремлениям французской революции.

Культ античности в годы французской революции был не только проявлением классовой ограниченности, но в какой-то мере связан с реальным героизмом этой революции, имевшим народные источники. Плебейские массы были главной движущей силой революции и наиболее последовательным борцом против феодальной реакции. В трагедии «Грахх» отражена не только республиканская идеология 1791—1792 годов, но в значительной мере и народный героизм.

Современная Шенье прогрессивная критика проводила аналогию между борьбой классов и партий в годы французской революции и в древнем Риме конца II века до нашей эры. Так, газета «Парижские революции» от 11—18 февраля 1792 года в рецензии на пьесу писала: «Автор перенесся во времена Рима, которые более всего соответствуют нашим. Как и у нас сейчас, имелась тогда наглая и надменная знать, которую называли тогда патрициями. Эти господа, как и наши, то льстили, то угрожали народу... Имелись в Риме, как и во Франции сейчас, и особенно в Париже, пылкие и просвещенные праждае, которые не могли хладнокровно смотреть, как слепая и доверчивая толпа становится игрушкой военной и клерикальной аристократии: их именovali

для драматургии (О популярности Граххов, см. К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт)

См. также А. В. Мишулин. Спартаковское восстание. М 1936 г., стр. 78—79, 105—106.

К. Н. Державин. Театр французской революции. Стр. 280—284.

там, как и у нас, «заговорщиками». Как и у нас сейчас, было в Риме немало темных личностей, которым за плату поручалось клеветать на патриотов и поражать из-за угла человека с характером и с принципами, на которого они не посмели бы напасть открыто и среди бела дня»¹.

Напряженное внутреннее и международное положение Франции в годы революции создало необходимость в самопожертвовании, организованности, гражданственности всего народа, в пренебрежении личными чувствами и интересами во имя общественного долга. Обращения революционных властей призывали крестьян оставить поля и родные хижины и выступить на защиту отечества против иностранных захватчиков и изменников-роялистов. На подмостках театров снова появляются героические персонажи, люди огромной воли и пламенной гражданственности.

В лице главного героя Гая Грахха (Гай Семпроний Грахх, 153—121 годы до нашей эры), «...последнего из Граххов, этого, красноречивого и смелого мученика за народное дело», Шенье, по его собственному признанию, «начертал образец самого чистого патриотизма и республиканской энергии»². В этих словах охарактеризованы убеждения, пафос деятельности и моральный облик изображенного в трагедии античного героя. Республиканец, демократ, патриот, он посвящает себя родине и народу. Несмотря на молодость, Гай Грахх, как и его старший брат Тиберий, снискал огромное доверие и любовь римского плебса своей бескорыстной защитой его интересов, простотой и сердечностью в обращении с простыми людьми. Даже враги — Опиций и Друз — вынуждены признать таланты и достоинства этого народного идеолога и трибуна, «воздействие его гения на сердца людей», силу его «пламенного красноречия»³. Отвергая предложения врагов стать союзником сената, Грахх гордо говорит:

Я сделок никаких не знаю с
тиранией,
С борьбой народной слил свою
борьбу и дни я;

¹ Либби, указ. соч., стр. 87—88.

² М.-Ж. Шенье, «Размышления о трагедии «Фенелон». Соч., т. 4, стр. 207—208.

³ Любовь и уважение плебса Рима и всей Италии к Граххам и их авторитет в массах соответствуют исторической правде. Они сохранились и после смерти братьев.

В неволе подлых дел меня не
запереть,
Для Равенства хочу я жить и
умереть¹.
Перевод Е. Ф. Куниной².

Готовность Г. Гракха к смерти за правое дело составляет резкий контраст малодушному поведению Лицинии. Любовь к сыну так же бессильна сломить дух его суровой гражданственности и изменить его убеждения. Несмотря на угрозы врагов убить сына, он по-прежнему сохраняет «верность суверенному народу» и, охваченный глубокой скорбью, неуклонно выполняет свой долг. Этот эпизод вносит глубокий драматизм в духовный облик Гракха³. Своей самоотверженностью, преданностью идее, решимостью жертвовать всем самым дорогим во имя высших принципов, Гракх напоминает корнелевского Полиевкта, сохраняя при этом историческую и политическую конкретность персонажа классической трагедии революционной эпохи.

Социально-политическая программа Гракха, изложенная в трагедии во многих его монологах (борьба против сената и привилегий патрициев, против господства денежного мешка, за чистоту римских нравов, за политическое и имущественное равенство), во многом перекликается с передовыми идеями эпохи французской революции. В античные одежды облечена конкретная социально-политическая борьба во Франции конца XVIII века.

Речи Гая Гракха, зовущего римских плебеев на борьбу против привилегий патрициев, незаконно присвоивших себе то, что должно принадлежать всему народу, звучали призывом к революционной борьбе народа против сословных привилегий французской светской и клерикальной знати.

Когда б их злую спесь вы
затоптали в грязь,

Когда бы именем плебея вы,
гордясь,

Их древней знатности презрели б
предрассудок,

¹ Акт III, сцена 2, стр. 42.

² Все приведенные в работе стихотворные отрывки из трагедии «Гай Гракх» переведены Е. Ф. Куниной.

³ Анализ трагедии сделан и цитаты из нее везде даны по ее первому изданию (1793). — Caius Gracchus, tragédie en trois actes, par Marie-Joseph Chénier, Député à la Convention Nationale... P., 1793.

Их слабость понял бы и вашу
мощь рассудок, —
Все вечные права, что отняты у вас
Вам, верьте, возвратит единый день
иль час
Так свергните ж грабеж,
прикрытый мишурою:
Их привилегии — название лишь
пустое¹.

Пропагандируя политическое равенство, Гракх утверждал также идею народовластия и призывал народ бороться революционными средствами:

Потомки Марса! Вас мой долг
велят призвать
У притеснителей права отзвевать.
Народ, ведь, — царь, так пусть
работой быть перестанет
Пора смирить сенат! Пусть
Равенство настанет
Сословий жесткие различья
отменим...

Гракх отстаивает также и имущественное равенство. Он предлагает отобрать у патрициев присвоенное ими достоинство всего народа и разделить земли поровну между бедными гражданами. При этом он говорит, что деньги приносят большое общественное зло, приводя к нравственной деградации народа. Если не принять решительных мер, то стране грозят еще большие бедствия: аристократия и монархическое иго задумат народную власть³. Только в разделе богатств между массой неимущих Гракх видит выход из этой социальной несправедливости, экономического неравенства и нравственного упадка страны:

Меж граждан устранить должны мы
расстоянье

Игнав нужду, равно избыток
достоянья

...Определить размер владений
нужно вам

Чтоб граждан собственность их
подчинить правам

Раздел полей, у вас отторгнутых,
начните

Владенья общие разумно поделите
Лишь праведный закон, лишь

Равенства оплот
Свободу, наконец, отечеству вернет.

¹ Акт I, сц. 4, стр. 13.

² Акт I, сц. 4, стр. 17.

³ Здесь автор иносказательно говорит об опасности, грозящей Франции со стороны внутренней контрреволюции и монархических государств Европы

Пора, чтоб то добро, что вы
завоевали
По праву равенства теперь
распределяли¹.

Разоблачая представителя сената Опимия, который демагогически пытался отвлечь народ от социальных вопросов напоминанием о «мудрости» сенаторов и богачей и утверждением о неосуществимости социальных проектов, Гай Грахх говорит об ужасающей нищете народа; римские граждане — «народ-царь», «отборная часть человеческого рода», живут хуже, чем дикие звери, они не имеют даже крова над своей головой — пещеры или выгнута скалы, чтобы укрыться от непогоды, и даже могилы (акт II, сцена 2).

Эти идеи имели для того времени демократическое и революционное значение, соответствуя интересам плебейских масс города и неимущего крестьянства.

Выступая против социального неравенства и нищеты народа, призывая разделить поровну между бедными богатства и земли знати и богачей, автор устами главного героя трагедии пропагандировал идеи, которые шли не только из трактатов Руссо и Мабли, но и из программы Социального кружка — этого крайне левого политического клуба французской революции — и от демократической Парижской Коммуны 1792 года, которые были очагами деятельности левых якобинцев. С этими центрами политической жизни Шенье в то время был тесно связан. По свидетельству современников, М.-Ж. Шенье в 1791—1792 годах был членом Социального кружка².

Маркс очень высоко ценил деятельность Социального кружка, отмечая, что в нем возникли зародыши первых коммунистических идей на почве массового революционного движения плебейских слоев народа:

«Революционное движение, которое началось в 1789 г. в Cercle social, которое в середине своего пути имело своими главными представителями **Леклерка** и **Ру** и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором **Бабефа**,

— движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая, после революции 1830 г., снова введена была во Франции другом **Бабефа**, **Буонарротти**»¹.

Эгалитарные призывы трагедии «Гай Грахх» были направлены не только против городской буржуазии, но и против земельных собственников: идея «аграрного закона», содержащаяся в пьесе, свидетельствует о том, что Шенье следил за продовольственным вопросом в городе и социальным движением в деревне. Осенью 1791 года и в начале 1792 г., когда Шенье писал «Грахх», вспыхнуло много крестьянских восстаний. Позже, в 1793 г., когда жирондистский Конвент принял суровый закон против аграрного закона и всяких посягательств на собственность, «Грахх» был временно снят с постановки².

Как известно, В. И. Ленин положительно оценивал «эгалитарные» идеи буржуазно-демократической революции: «... не утопично, а революционно в самом полном, в самом строгом, научном смысле слова стремление крестьян теперь же отнять у помещиков земли и разделить их поровну»³.

Грахх — ревностный сторонник равенства, основанного на «естественном праве». Он разоблачает взгляды Опимия, который считал равенство несбыточной мечтой, самым большим «предрассудком», опасным для народа и государства, а неравенство — законом человеческой природы.

Равенство Грахх понимает в очень демократическом аспекте. Природа установила между людьми «святое равенство»,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 147.

² Об имущественном равенстве см. Сб. «Французская буржуазная революция» стр. 88 — 89, 172 — 178. Движение братьев Граххов в глазах прогрессивных деятелей Франции XVIII в. было отдаленной античной аналогией для крестьянских восстаний против феодалов, сыгравших большую роль в общей революционной борьбе против феодализма (А. В. Мишулин. Спартакосское восстание. М. 1936, стр. 78—79).

³ В. И. Ленин. V съезд РСДРП. 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 г. (Соч., изд. 4-е, т. 12, стр. 418)

¹ Акт II, сцена 2, стр. 22—24.

² См. Peltier. Histoire de la Révolution du 10 août, t. 1—2, Londres, 1795; 2, p. 487.

которое нарушили сами люди. Свобода и равенство также естественны и справедливы, как солнечный свет, которым пользуются все. Они должны принадлежать всему человеческому роду. Все люди должны иметь равные права и жизненные блага. Эти идеи, не вреди государству, весьма полезны народу, а направлены они только против привилегий сената и патрициев.

...Перед законами должны быть все равны,
В единстве уз и прав отечества сыны.
Природа меж людьми не ставила препятствий,
Тиранов и рабов не создала, но — Братство,
Но Равенство она, о консул, нам дала
И благодной рукой к Свободе повела.
Свобода — не одних патрициев удел,
Но всем принадлежит, и перед миром целым,
Как солнце, дар небес, горит для всей очей,
Лаская всех теплом живительных лучей¹.

Грахх говорит также об ответственности должностных лиц перед народом, который дал им власть и которому они должны честно служить (акт III, сцена 2).

Преданность Грахха народу воспитана с детства. Выступая с трибуны перед народом, Грахх обличает вопиющее социальное неравенство в Риме. Указывая на классовый состав римской армии и социальное неравенство в ней, он справедливо говорит, что своими военными достижениями римское государство обязано не столько полководцам, сколько рядовым воинам, массе плебейства, которая составляла ряды римских легионов и вынесла на своих плечах всю тяжесть захватнических войн. Военные захваты Рима нисколько не облегчили положения бедных римлян, ибо знатные и богачи присвоили себе все плоды победы, оставив плебеям в удел лишь страдания, нищету и безвестность.

Права бедных Грахх защищает и в споре с Опиимом наедине. Он говорит, что Опиций считает представителями римской республики только патрициев,

а остальных граждан Рима ни во что не ставит. Опиций с презрением относится к плебеям, обездоленным, бедным людям, но разве несчастные — преступники? — ведь в этом повинны несправедливые законы. Неимущие должны также иметь права, бедность не позорна, именно алчность, безнравственность и коварство патрициев сделали плебеев неимущими и бесправными; правящие круги обманывают народ, они заискивают перед ним, когда нуждаются в его поддержке, и обращаются надменно, когда эта надобность миновала.

Грахх

..Но обманул я, и разум твой надменный
За Рим один сенат считает неизменно
Всех прочих вовсе твои не замечает взор:
Плебей, ведь, бунтовщик, отечества позор.
Ты варварски клеймишь бездомного
презреньем,

Его несчастье мнишь виною, без сомненья?

Иль в бедности народ своих лишился прав?

Нет! Там, где есть нужда, один закон неправ

То алчность богачей народ в нужду ввергает,

Его невежество во зло употребляет.

О консул, бедность та иных богатств честней,

И должен весь сенат склониться перед ней¹.

Симпатии к плебейству, противопоставление богатых и бедных, прославление бедных, как опоры свободы, содержатся также в речи сподвижника Грахха — Фульвия:

На Авентинский холм сошедшийся в волненьи

Мной собранный народ готов вступить в сраженье

Ведь слабых и дурных я граждан не искал,

Из тех, что, честь продав, рабом довольства стал,

Ему в угоду рад любое снести господство

¹ Акт III, сцена 2, стр. 43—44.

¹ Акт III, сцена 2, стр. 41

Я римлян тех сзывал, в ком предков
 благородство
Живет среди трудов и честной
 бедноты
И чьи сердца полны суровой простоты
Сенат от их жилищ граничат
 Тибра воды
И лишь у них одних хранится
 дух Свободы...¹.

Все это говорит о связи трагедии «Гракх» с социальными проблемами французской революции, которая «...была социальным движением от начала до конца»... (Энгельс)². В этом смысле идейное содержание трагедии перекликается с программой крайне левых политических течений французской революции — «бешеных» и эберистов, несмотря на то, что сам Шенье позже, в годы якобинской диктатуры, во многом расходился с ними, а после 9 термидора относится к ним отрицательно³.

Эти идеи социального равенства, несмотря на свою историческую ограниченность, как отмечают классики марксизма-ленинизма, имели для того времени демократическое, революционное и утопически-коммунистическое значение. Резко отличаясь от буржуазного, чисто правового равенства, они выражали интересы стремившихся к материальному благосостоянию обездоленных и неимущих народных масс. «Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самых классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм, запрещающий

всякое наслаждение жизнью, был первой формой проявления нового учения»¹.

Эти требования вступившего на путь революционной борьбы «еще не созревшего класса» теоретически были связаны с просветительством (левым крылом Просвещения — Мабли, Морелли и их утопическими социальными теориями), однако, они «как небо от земли отличаются» от буржуазных в конечном счете учений большинства французских просветителей². Плебейство, движущая сила французской революции XVIII века, выдвинуло в ходе революции требования подлинного равенства («санкюлотизма»). «Эти **плебейские** равенство и братство» своим подлинно демократическим значением явились полной противоположностью равенству буржуазному и другим «революционным требованиям буржуазии».

Несмотря на это, существовала внутренняя связь между этими социально противоположными требованиями. «...По иронии истории, **плебейское** понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности — **буржуазного** равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации»³.

Уравнительные тенденции и социальные требования 1792—1794 годов, несмотря на свою туманность, «... выражают чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского **братства**...». Продолжателем этих эгалитарных и демократических идей выступил позже Бабеф⁴, которого К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте» считали выразителем требований тогдашнего пролетариата⁵.

Республиканские идеи Гая Гракха — героя трагедии Шенье — также имеют ярко демократическую для того времени окраску. Он — поборник народовластия

¹ Акт 1, сц. 3, стр. 12.

² Ф. Энгельс, Праздник народов в Лондоне (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. V, стр. 28).

³ В 1791—92 годах до созыва Конвента различие между Шенье и эбертистами еще не определилось, между ними было много общего. Сам Шенье, как уже отмечалось, был в то время членом клуба Кордельеров и Социального кружка — этих наиболее левых и демократических клубов, был тесно связан с демократической Парижской Коммуной, руководившей революцией 10 августа 1792 года.

¹ Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Маркс и Энгельс. Избранные произвед., т. II, 1952, стр. 108 — 109).

² Там же.

³ Ф. Энгельс — К. Каутскому, 20 февраля, 1889 (Маркс и Энгельс. Избранные письма. М. 1947., стр. 408).

⁴ Там же, стр. 409.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. Избр. произв. в двух томах, т. 1, 1949, стр. 35; Развитие социализма от утопии к науке (там же, т. II, 1952, стр. 109).

и противник аристократической республики привилегированных. Он требует республики для народа. Гай Грахх возмущен тем, что «у республиканцев народ не имеет власти и... подчинен тиранам», что свобода изгнана из Рима и повсюду «царит тирания»: в форуме, сенате, в храмах и в трибунале. Сенаторы обманывают народ, заботятся только о себе, они «узурпировали верховную власть» и превратились в «новых тиранов, преемников наших королей под другим именем». Грахх говорит, что он не может быть счастливым, когда «деспотический сенат», проявляя произвол, попирает республиканские принципы и законы и назначает на общественные должности «по своему усмотрению». Посредством «подлости и гнусных ухищрений» сенат проводит в комиссиях своих продажных и беспринципных сторонников, проваливая достойных кандидатов.

Грахх призывает народ презреть «патрицианскую надменность» и «пустые предрассудки древней знати», освободиться от боязни и преклонения перед сенаторами, «осознать свою силу и их слабость» — решительно бороться за свои «вечные права», подлинную свободу, против привилегий и «кощунственных злоупотреблений» знати и богачей (акт 1, сцены 2 и 4).

Эти идеи в сочетании с отмеченными выше социальными требованиями, в условиях 1791—1792 годов, перед революцией 10 августа 1792 года, звучали призывом к борьбе не только за буржуазно-демократическую, но и подлинно демократическую республику, которая соответствовала чаяниям народных масс, но среди деятелей французской революции имела сравнительно немного сторонников.

* * *

Подчеркивая демократизм и свободолюбие Грахха, Шенье в то же время изображал его недостаточно последовательным в борьбе за осуществление прогрессивных идей. Его тактика была ошибочной, внутренне несостоятельной, несмотря на его субъективно-благородные побуждения. Грахх отрицательно относится к насилию, как методу революционной борьбы. В борьбе с коварным, жестоким и сильным врагом — сенатской партией — он хочет ограничиться одной «законностью». Во время клятвы у урны с прахом Тиберия Грахха Корнелия вручает меч Гаю Грахху, призывая его стать мстителем за

брата. Свой ответ на этот пламенный, проникновенный призыв, идущий из глубины материнского сердца, Гай Грахх сопровождает примирительной оговоркой: несмотря на свою ненависть к сенаторам, он намерен карать только по закону, считая недостойным «иногое возмездия крайнюю жестокость» (Акт 1, сцена 4).

В дальнейшем Гай Грахх настойчиво защищает своих врагов от народной мести. Он останавливает возмущенный народ, который, узнав о кровавых замыслах сената, с возгласами «Смерть сенаторам», «Отомстим за себя!» бросается на Опимия, Друза и других сенаторов. Требуя «Законов, а не крови» (*Des lois et non du sang*), взывая к «человечности», уговаривая народ «не подражать» жестокости сената, он ослаблял революционный порыв римского плебса и нанес большой ущерб народному движению.

Опимий и его сообщники с еще большим ожесточением продолжали вести борьбу против народа. Великое прогрессивное движение античности было подавлено.

«Оппортунизм» Гая Грахха делает его в пьесе более «умеренным» деятелем, чем Фульвий и даже Корнелия, хотя он и является вождем народного движения. Фульвий, одобряя решительные действия народа, выражая сдержанное недовольство поведением Грахха, успокаивавшего народ, с недоумением возражает ему:

«...Ты же слышал его, консул нам угрожает» (наглая угроза Опимия послужила непосредственным толчком к народному возмущению — (акт II, сцена 2), а Корнелия также осуждающе говорит:

Патриции, увь, не столь
великодушны,
Преступным замыслам они давно
послушны¹.

Неслучайно поэтому позже, во время якобинской диктатуры «умеренные» высказывания Грахха, особенно полустигматические «Законов, а не крови», вызвали резкую, но справедливую критику со стороны органов якобинской диктатуры.

Правда, в 1792 году эти места трагедии Шенье, разоблачавшей по замыслу автора «аристократические предрассудки», не звучали еще как «модерантские». Призыв «Законов, а не крови» зимой 1792 года вызывал недовольство зрителей-ари-

¹ Акт 1, сцена 4, стр. 16.

стократов и «умеренных» и на том этапе революции соответствовал политической программе якобинцев — наиболее передовой части революционного лагеря. Об этом писала в рецензии на спектакли «Гая Гракха» газета «Парижские революции» от 11—18 февраля 1792 года, одобряя «уважение, оказанное закону другому народа», и эти «правильные принципы»¹. В 1792 году этот призыв Гая Гракха мог восприниматься зрителями и как косвенный протест против недавнего расстрела контрреволюционными конституционалистами (Лафайетом и Бальи в союзе с королем) республиканской народной манифестации на Марсовом поле 17 июля 1791 года и других подобных действий. Кроме того, принцип «Законов, а не крови» в то время соответствовал народному недовольству весьма ограниченной конституцией 1791 года и требованиям масс установить новую, подлинно-демократическую конституцию.

С отмеченной непоследовательностью политической позиции и тактики Гракха гармонирует и психологический облик героя с его чрезмерной готовностью к трагическому исходу, к гибели в борьбе².

Начиная с 4-й сцены I акта, Гракх говорит больше о своей смерти, чем о жизни, хотя и ведет ожесточенную борьбу с врагами. Он заранее как бы предвидел свой трагический исход. Мотивы обреченности, говорящие о внутренней склонности Гракха к самоубийству, звучат задолго до финала пьесы. В глубоко трагические тона окрашены уже его слова клятвы над прахом Тиберия:

Давайте меч! Его беру, чтоб
защитить.

Ту кровь, что наш сенат замислил
днесь пролить,

Иль сам освобожусь от деспотов и
жизни,

Когда свободы я не обрету
отчизне³.

Жене и матери, потрясенным возможностью его потерять, он снова с трагиче-

¹ Либи, указ. соч., стр. 89. Якобинский клуб назывался тогда «Обществом друзей Конституции» и в своей деятельности часто ссылался на законность.

² Непоследовательность и социальная ограниченность деятельности Гракха соответствуют исторической действительности.

³ Акт I, сц. 4, стр. 16.

ной торжественностью говорит о своей готовности умереть.

И если мне они пронзят сегодня
грудь.

Я выполню свой долг, я вновь увижу
брата.

Когда же мой конец заставит вас
рыдать,

О славе мысль должна вам
утешеньем стать!

В предпоследней сцене III акта, в момент, когда Фульвий, призывая плебеев решительно бороться с сенатом, говорит о возможности смерти в борьбе, Гракх с какой-то мрачной радостью восклицает:

Умру лишь я один².

И хотя руководимый Фульвием народ самоотверженно его защищал, Гракх в финальной сцене осуществил свое намерение. Покончив собой, он хотел этим, по его словам, избавить народ от истребления и кровопролития.

В пьесе Шенье конец Гая Гракха не вполне соответствует исторической действительности: исторический Гай Гракх, как известно, боролся до конца. После окончательного поражения народной партии он спасался бегством за Тибр и только в самый последний момент, видя настигавших его врагов, он приказал сопровождавшему рабу убить его, чтобы не попасть живым в их руки.

Несмотря на гибель Гракха, финал пьесы лишен безысходного отчаяния: трагизм ситуации смягчается верой Гракха в конечное торжество народа и свободы, выраженной в его предсмертном монологе, его преданностью демократическим и эгалитарным убеждениям, с которыми он умер, расправой народа с врагами — Друзом и Опиимом³ и бодрым, призывным обращением Фульвия к народу, которым заканчивается трагедия:

¹ Акт I, сц. 4, стр. 16—17

² Акт III, сц. 2, стр. 53

³ Народ отомстил за гибель Гракха в финале пьесы только в первом ее издании (1793). Этого финала нет в последующих изданиях трагедии (1818—1824—26), в которых пьеса заканчивается предсмертным монологом Гракха и авторской ремаркой «он умирает» (см. изд. сочинений после 9 термидора Шенье). Эти изменения были сделаны самим автором и вызваны, повидимому, его поправлением.

¹ Акт III, сцена 8, стр. 56.

смертной казни Ромм, Бурбогт, Дюруа, Дюкенуа, Гужон, Субрани, Рюль стойко боролись за свои убеждения, будучи в меньшинстве. Они не страшились смерти, наоборот, смерть была для них желанной, так как они считали ее единственным средством избавления от величайшей душевной муки, огромного отчаяния, которое они испытывали от сознания того, что дело демократии гибнет, что термидорианская реакция торжествует. Они не захотели стать жертвой палача. Одним кинжалом, передаваемым из рук в руки, поразил себя насмерть все семь человек, и на гильотину были отправлены бездыханные тела, либо тяжело раненные, умирающие люди. Их последним предсмертным словом был возглас: «Да здравствует демократическая республика»¹.

Ф. Энгельс с глубоким уважением и сочувствием относился к этим «героическим депутатам» Конвента, которые «в присутствии своих убийц и на зло им лишили себя жизни одним кинжалом, передавая его из рук в руки»².

Их трагическая смерть была вызовом, протестом против термидорианской реакции и произвела глубокое впечатление на современников и потомков. Даже враги из термидорианского болота были вынуждены признать их героизм³.

«Последние монтаньяры» умерли, не изменив своим убеждениям. Они верили, что даже своей смертью оказывают услугу своей родине, что их смерть не пройдет бесследно, а будет полезна для будущих поколений свободолюбивых французов, вдохновит их на дальнейшую борьбу⁴.

Но эта была пассивная борьба одиночек без революционных масс. Как доказано советскими историками, «последние монтаньяры», субъективно желая счастья и свободы народу, что их смерть не свяжет с ним, не сумели возглавить массовое революционное движение, а восставшие

весной 1795 года парижские предместья даже не знали о них¹.

Все это в целом характерно и для Гая Гракха из трагедии Шенье.

Сходство образа Гракха из пьесы Шенье с конкретными историческими деятелями французской революции проявлялось не только в идейном содержании, но и во внешних атрибутах. Так, возвышенный, приподнятый тон, торжественность, некоторая театральность речи — свойственны не только героям классической трагедии, но и ораторам Якобинского клуба, Конвента и деятелям множества народных обществ. Эти черты присущи даже самым крупным деятелям буржуазной революции, о чем говорят, например, речи Марата, Робеспьера, Дантона, Демулена и других.

Античные реминисценции и весь античный дух — «исторический маскарад» этой трагедии Шенье являются одним из многих проявлений всеобщего культа античности, во власти которого находились деятели Великой французской революции и даже массы. Якобинец Манье сменил свое имя (Луи-Бернар) на имя Брута. Бабеф называл себя Гракхом. После смерти Марата крайне левый монтаньяр Каррье назвал «Друга Народа» — «Маратом-Гракхом», что было сделано под впечатлением от спектаклей этой трагедии, которую Каррье, в ноябре 1793 года, будучи комиссаром Конвента в Нанте, приказал ставить с целью политического воспитания населения этого горота. Глубоко неправы буржуазные ученые, утверждающие, что образы и ситуации классической трагедии эпохи революции якобы нежизненны, нереальны, бесплотны

* * *

Значительное внимание в трагедии уделено также народному трибуну Тиберию Гракху (Тиберий Семпроний Гракх 162—133 годы до нашей эры), погибшему задолго до начала событий пьесы (на 12 лет раньше). Трагическая гибель Тиберия является для Гая Гракха источником огромной душевной боли и одновременно стимулом политической борьбы. Личное горе он подчиняет большой гражданской цели. Он является не столько мстителем за убитого патрициями брата, сколько продолжателем его политической программы.

Имя Тиберия в трагедии окружено священным ореолом, как высший образец

¹ О «последних монтаньярах» см. Е. В. Тарле. Жерминаль и Прериналь М., 1951, стр. 75—91, 193, 203—219.

² Ф. Энгельс. Праздник народов в Лондоне (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 37).

³ Е. В. Тарле, указ. соч., стр. 82, 219.

⁴ См. предсмертные письма «последних монтаньяров» в указ. книге Тарле, стр. 213—214.

¹ Там же, стр. 78—81, 86, 91, 218.

гражданственности, самоотречения, высшая мера общественного поведения. Гай Гракх вдохновенно говорит о «громах красноречия» и «мужественных добродетелях» Тиберия, его «пылкой и гордой душе», его урна — священный памятник. Перед урной с прахом Тиберия народ во главе с Гаем Гракхом дает торжественную клятву продолжать дело, за которое он погиб, «...подражать его благородному примеру, служить и защищать беззаветно интересы народа и свободы»

Герой! У очага, что был тобой
любим,
Под кровлей отчею и перед прахом
сим,
Священнейшим для нас не менее,
чем боги,
Клянемся по твоей последовать
дороге,
Народные права без страха
охранять,
Свободу преданно и верно защищать
И если в нас когда измену
обнаружат,
Пускай возмездием такой вины
послужат
Смерть низкая, позор, боль
угрызений тех,
Что за собой влечет измены тяжкий
грех¹.

Приподнятость и величественность этой сцены, происходящей во внутренней части дома Гракхов, ярко оттеняются глубиной торжественностью обстановки: полумрачный час, таинственный полумрак, суровая простота форм, напряженность поз, обилие вооруженных мужчин, окруживших с поднятыми вверх руками погребальную урну Тиберия, стоящую в небольшом углублении на гранитном основании, меч в руке Гракха, протянутый к урне, трепещущая Лициния... (акт I, сцена 1).

Эти внешние атрибуты гармонируют с общим стилем и содержанием пьесы, соответствуют высокому гражданскому пафосу борьбы за родину и прогрессивные идеалы. Сцена клятвы над прахом Тиберия Гракха близка по духу к «Клятве Горациев» Давида — ярчайшему произведению революционного классицизма в живописи, воспринимавшемуся современниками как призыв к непримиримой борьбе против старого мира. Гражданские и патристические клятвы, частые в искусстве

французской революции (живопись, поэзия, драматургия, народные революционные празднества) — не пустая поза и декларация, а отражение реальных исторических событий: клятвы в Якобинском клубе, Конвенте, многочисленных политических клубах и народных обществах, пунктах записи волонтеров и других общественных местах были обычным явлением эпохи. Одна из подобных клятв воспроизведена на другом замечательном полотне Давида — «Клятва в зале для игры в мяч».

Античные сюжеты и формы служат в этих произведениях утверждению гражданских мотивов и отображают героизм эпохи и грандиозность происходивших событий, придавая им античное величие и торжественность.

Убежденным приверженцем социальной и политической программы Гракхов является в пьесе консул Фульвий (Марк Фульвий Флакк...? — 121 годы до нашей эры), являющийся ближайшим и активным сподвижником Гаю Гракху и играющий значительную роль в борьбе плебеев против патрициев и сената.

Во время спора на городской площади между сенаторами и Гаем Гракхом Фульвий, разоблачая демагогию и клевету представителей сената Опимия и Друза, говорит о благотворности социальных и политических мероприятий братьев Гракхов (увеличение материального благополучия неимущих, проведение законов, ограничивающих произвол должностных лиц над рядовыми гражданами, постройка хороших дорог, устройство колоний в Карфагене) для беднейшей части населения Рима и для укрепления всего государства. Фульвий считает, что реформы Гракхов были бы благодеянием и для других народов мира, если бы сенат не препятствовал их распространению. Фульвий считает своей заслугой многолетнее и активное участие в деятельности Гракхов (акт II, сцена 2).

Фульвий более близко и непосредственно, чем Гай Гракх, связан с народом и более последователен в защите его интересов. Он недоволен ненужным «милосердием» Гракха в отношении врагов. Он действует решительно и активно и призывает плебеев вооружиться, чтобы дать отпор сенату. К этой мере он прибегает вторично, когда опасность для сторонников Гракха усилилась. В то время, как

¹ Акт 1, сц 4, стр 15.

Гай Гракх говорит о возможной гибели, Фульвий призывает бороться с ожесточением, несмотря на смертельную опасность:

Гай Гракх в опасности, народ в
оцепенении,
Тираны верх берут. Восстаньте ж в
возмущении,
Пусть лучшие из нас все силы
напрягут
И натиском врагу возмездье
понесут!..¹

Фульвий руководит активными действиями народа против сената, во время которых был убит Друз. После самоубийства Гая Гракха он возглавляет народ, продолжающий борьбу за свои права и материальные блага².

У Шенье Фульвий идеализирован сравнительно со своим историческим прототипом: у Плутарха, например, Фульвий, будучи единомышленником и соратником Гая Гракха, имеет некоторые отталкивающие черты: склонность к пьянству и тайным убийствам своих политических противников и т. д. Так, Плутарх подозревает Фульвия в убийстве Сципиона (Сципиона Африканского Младшего).

Два женских персонажа, резко контрастных друг другу — Лициния и Корнелия, каждый по-своему оттеняют мужественный и суровый облик Гракха. Гракх не лишен человеческих привязанностей, любит жену, мать, сына.

Лициния, жена Гракха, воплощающая своекорыстие личных интересов, безуспешно старается отвлечь его от политической деятельности. Упрекая его в честолюбии, она охвачена непрерывной тревогой за жизнь мужа и жадной тихого безмятежного семейного счастья выдала от бурь общественной борьбы...

Малодушью и слабости Лицинии противопоставлены мужественность и стойкость матери Гракха. Корнелия — представитель идей высокой гражданственности. Она вырастила своих сыновей для служения родине и народу, воспитала у них стремление бороться за права народа, свободу, равенство и братство.

Мои два сына — вот мое все
достоянье,
Законов бытия я им дала сознание,
Учила их любить народ и уважать,
Не уставала им с младенчества
внушать,
Что помощь беднякам — их первое
занятие,
Что для патрициев плебеи — это —
братья,
Что люди всех земель в Свободе
жить должны
И в Равенстве — залог величия
страны.
Их доблести мое превысили
усердые.
О боги, вам хвала! Вы дали мне
вскормить
Двух римлян, чьи дела в веках
достойны жить.
Их слава вечная моею славой будет
И, помня Гракхов, мир их мать
не позабудет.¹

Это — мужественная, суровая и вместе с тем наделенная чувствительной и нежной душой женщина, для которой интересы родины и государства выше материнской любви. Потеряв Тиберию и зная, что такая же участь ожидает и второго сына, она все же вдохновляет Гая на борьбу против тиранов. Подлинное счастье она видит прежде всего в свободе и благополучии отечества:

Нет, нет, Лициния, не сей смятенья
в нем:
Долг выше счастья, скажи ему о том.
Подобные ему — принадлежат
отчизне;
Он ей обязан всем, — и даже самой
жизнью.
Да мига смертного — все должен ей
отдать,
Сенат разоблачать и знатных
побеждать,
Народу быть щитом бесстрашно,
неустанно.
Бессмертной славы луч — венец его
желанный.
...И счастлив будет он свободой
страны.²

¹ Акт III, сцена 5, стр. 50.

² Здесь Шенье отступает от истории: в действительности Марк Фульвий Флакк был убит в тот же день, что и Гай Гракх.

¹ Акт II, сц. 3, стр. 33.

² Акт I, сц. 2, стр. 10.

Она любит сына, но предпочитает видеть его мертвым, чем изменившим народному делу и родине (акт III, сцена 3).

Во время дискуссии на городской площади Корнелия проявляет презрение к опасности и солидарность со своими сыновьями. Отказываясь уйти с форума, она выражает готовность умереть за их дело и идеи, приняв на себя «бесчеловечные удары» тиранов. Заявляя, что «возле Гая пост его матери», она предупреждает врагов, что прежде чем «умертвить последнего из Гракхов», они должны переступить через ее «растерзанное тело». Собравшийся на площадь народ восторженно одобряет самоотверженность Корнелии (акт II, сцена 3).

В финале трагедии Корнелия выступает мстительницей за погибшего сына: по ее призыву народ убивает его убийц.

Образ Корнелии в пьесе Шенье во многом соответствует ее облику у Плутарха, Сенеки, Квинтилиана и других античных авторов, которые отмечают ее образованность, ум, красноречие, стоицизм и мужество, солидарность со своими сыновьями и ее выдающуюся роль в их воспитании, ее умение переносить горе и т. д. В то же время, Корнелия, несмотря на античное одеяние, своим отстаиванием «свободы, равенства и братства», напоминает героических французских женщин-патриотов в период наступления войск интервентов и роялистов. А ее призыв во время клятвы народа и Гракха бороться за «свободу всего мира» выражал актуальные в 1792—1794 годах идеи «мировой революции», он перекликается с ораторскими выступлениями самого Шенье и воззваниями Якобинского клуба и Национального Конвента, которые звали народ защищать отечество и подчеркивали международное значение французской революции.

Такую трактовку женских ролей в трагедии подсказывала Шенье сама революционная действительность 1789—1794 годов, в которой женщины принимали активное участие, например, Клэр Лакомб («Красная роза»), Теруань де Мерикур, а также множество других, безвестных участниц французской революции.

Собираясь персонажем трагедии «Гракх» является народ (*le peuple*) — беднейшие слои населения Рима и окрестных селений. Народ появляется в 4-й сцене II акта, затем он выходит на городскую площадь, сопровождая Гракха и Фульвия и составляя их внушительную

свиту во время встречи с Опинием и Друзом, окруженными сенаторами, всадниками, ликторами.

Вначале народ является пассивной массой, которая испытывает воздействие и пламенных речей Гракха, Корнелии, Фульвия и коварных выступлений Друза. Он является как бы глухим эхом взволнованных воззваний Гая Гракха, хотя и воспринимает их с горячим сочувствием. Во время дискуссии в форуме народ безучастно встречает появление Гракха на трибуне. Но в дальнейшем, слушая Гракха, обличавшего сенат, и видя наглость Опиния, угрожающего применить чрезвычайные меры против восставших, народ проникается негодованием и хочет расправиться с подлым Опинием. Но внезапно вспыхнувшая активность народа была с самого начала парализована самим Гракхом.

К концу пьесы роль народа значительно возрастает. В момент, когда сенаторы были готовы нанести сторонникам Гракха решающий удар, руководимый Фульвием народ активными действиями опрокинул эти планы; он вступает в вооруженную борьбу с сенаторской партией, убив Друза и освободив пятiletнего сына Гая Гракха. Впрочем, эти решительные действия народа не показаны непосредственно на сцене, о них лишь сообщает зрителям Фульвий в беседе с Гракхом.

В дальнейшем активность народа в борьбе против патрициев не ослабевает. Народ вместе с Фульвием защищает Гракха от Опиния, а после самоубийства Гракха убивает Опиния. Несмотря на гибель Гракха, сила народа не сломлена и борьба продолжается.

Изображение народа в классической трагедии было одним из проявлений демократизации классицизма, которая углубляется в творчестве М.-Ж. Шенье. Шенье выступал здесь, как и во многом другом, продолжателем Вольтера, но шел дальше своего учителя. В произведениях Шенье народ играет более активную роль («Жан Калас», «Гай Гракх», «Тимолеон», «Лагерь при Гран-Прэ или Триумф Республики», «Походная песня» и другие).

Если в «Жане Каласе» народ находится под влиянием реакционных сил, то в трагедии «Гай Гракх» он показан в значительной мере борцом за свободу. Современная Шенье прогрессивная критика (газета «Парижские революции») в 1792 году положительно оценила изображение народа в этой пьесе. Новшеством трагедии она

считала, в частности, и то, что народ является в ней самостоятельным персонажем¹. Шенье и здесь отражал реальные процессы самой жизни. Как уже отмечалось, в республиканском движении 1791—1794 годов, как и во всей французской революции XVIII века, народные массы были главной движущей силой.

И все же в трагедии «Гай Гракх» борьба народа за свободу показана недостаточно. И в революционных движениях в Риме эпохи Гракхов, и в период французской революции 1789—1794 годов, народу принадлежала несравненно более высокая роль. В пьесе же роль народа незначительна сравнительно с ролью Гракха. Противопоставление руководителя и массы, недооценка роли народных масс является одним из проявлений ограниченности идеологии и искусства французской буржуазной революции.

Ограниченность автора проявляется и в том, что в пьесе совсем не показаны рабы, как угнетенная масса и борцы за свободу; движение Гракхов, как известно, имело точки соприкосновения с восстаниями рабов.

Идейным проблемам и суровому облику действующих лиц трагедии соответствует и ее внешнее оформление.

Фоном для действия пьесы во II и III актах, как явствует из ремарок, является городской пейзаж древнего Рима: городская площадь, Калитоллий, сады и дворцы на берегу Тибра. В тексте пьесы также упоминается Авентинский холм, храм Юпитера, Тибр.

Высокий гражданский пафос и исключительный драматизм темы сказались и в особенностях речи персонажей. Стихотворные диалоги и монологи трагедии динамичны, исполнены внутренней силы и драматизма, они ярко передают остроту полемики между политическими противниками, отражают напряженность и пафос классовой борьбы. Многие фразы Фульвия, Корнелии и Гракха, подобно отточенному кинжалу или острой стреле, устремлены на врагов.

Вместе с тем трагедия не лишена «чувствительности», характерной для французской просветительской литературы, например, воспоминания Корнелии и Гая Гракха о трагической гибели Тиберия полны глубокой эмоциональности и искреннего горя.

¹ См. Либи, указ соч., стр. 90, 342, 341—350 и 363

Корнелия.

Для сердца матери та боль свежа
всегда!
Кровавый день! С ним в дом навеки
вошла беда.
...Отчаянье мое, безумное вначале,
Утихло, и вдвоем мы слезы
проливали
Лаская горестно сей благородный
прах
Вдвоем держа его в трепещущих
руках
О чудо! В бесценных тех останках
нам казалось,
Скорбь наша общая отрадой
отдавалась!

Те же мотивы чувствуются и в зарисовках природы, которые несмотря на свою краткость, живописны и красочны. Они воссоздают атмосферу далекой древности и обстановку южной местности, гармонируют с трагической и возвышенной темой пьесы. Пейзаж дан не в авторском ремарке, а в речи персонажа.

Лициния

Что римлян нескольких напрасное
геройство?
Нам молния грозы вещает
беспокойство
В нагорьях Аппенин ее мы
переждем
Нас проведут друзья им ведомым
путем
Уже ночная тьма все семь холмов
покрыла
И, доли кутая, нам бегство
облегчила²

Газета «Парижские революции» высоко оценивала трагедию «Гракх» в целом и особенно 3-ю сцену III акта, в которой Гай Гракх разоблачает клевету Олимпия на Фульвия. А 2-ю сцену II акта (дебаты в римском форуме) газета считала новой «даже после смерти Цезаря» Вольтера. Декоративное оформление этой сцены, по словам критика, давало представление о «великих и внушительных формах» политической жизни древнего Рима и соответствовало духу революционной Франции (художественное оформление спектакля было сделано при участии Давида).

Газета «Ежедневный термометр» от

¹ Акт I, сцена 2, стр. 8—9.

² Акт III, сц. 5, стр. 49.

11 февраля 1792 года также дала высокую оценку декоративному оформлению и сценическому воплощению пьесы: «Зрелищная часть не заставляла желать лучшего; любители были восхищены; все было как в античности»¹.

* * *

В трагедии «Гай Гракх» практически осуществлена та концепция политической трагедии на материале античной истории, которая тесно связана с его глубоким и постоянным интересом к античности.

У Шенье, как писателя французской буржуазной революции, необычно усиливается по сравнению с его предшественниками в этой области (Фенелон, Дидро, Вольтер, Лессинг, Винкельман) политическое звучание античности. Для него античность была прежде всего политической категорией, именно в этом аспекте он использовал ее как материал для художественного творчества. При этом Шенье, как и многие его прогрессивные современники, идеализировал античность, противопоставляя ее в качестве положительного образца феодальной Европе.

Вопросы эстетики Шенье решал в соответствии с культом античности, столь характерным для того времени. Богатым источником сюжетов для трагедии драматург считал период древнеримской республики: «В анналах всемирной истории нет ничего более величественного, чем последние годы римской республики. Именно там трагический поэт должен искать великих людей, чтобы воссоздать их, и великие дела, чтобы показать их на сцене»². — писал он еще в 1788 году.

Ввиду приближающейся революции он говорил о необходимости создать новый жанр политической исторической трагедии «во всей ее величественной простоте» и суровости. Появлению этого жанра мешали, по его мнению, два препятствия: отсутствие у ряда литераторов должного почтения к древним республиканцам, т. е. отсутствие их идеализации и засилье любовной интриги («галантности») во многих трагедиях на античный сюжет. Оба эти вопроса в рассуждениях Шенье тесно связаны с проблемой положительного героя. В этой связи Шенье подверг резкой крити-

ке произведения Ла Мотта, Ж.-Б. Руссо, Крепилона, трагедии Корнеля («Цинна», «Смерть Помпея», «Серторий»), Расина («Митридат», «Федра») и Вольтера («Брут»). Шенье считал любовь вообще неуместной в трагедии, и тем более неуместной как проявление «галантной влюбленности». Он требовал совсем изгнать любовную интригу из трагедии, которая, по его мнению, должна трактовать только общественно-политические и гражданские проблемы. Шенье восставал не только против «сниженного», реалистического изображения республиканских античных деятелей у Шекспира, но и против всякой аристократической вульгаризации их как борцов за свободу, как уступки придворному «дурному вкусу» со стороны даже лучших трагических поэтов Франции. В сознании Шенье Цицерон, Катон, Брут и Кассий и другие римские республиканцы вознесены на самый высокий пьедестал, окружены героическим ореолом. Они для него — безупречные люди, высший образец гражданских добродетелей, патриотизма и мужества. Их можно изображать только как исключительных персонажей в самом возвышенном и идеализированном виде без малейших недостатков и отталкивающих черт и слабостей. Идя по стопам Буало, Шенье считает, что трагический поэт должен изображать «самые прекрасные черты самой прекрасной природы», чтобы сделать своих героев интересными¹.

Это был призыв к героизации положительных персонажей. В этих установках устойчивая двухвековая традиция французской культуры и просветительский рационализм сочетаются с требованиями нового революционного искусства, служившего возвеличению задачи целей французской революции посредством «исторического маскарада», — всеобъемлющего тогда культа античности.

При этом Шенье формулирует свое представление о «чувствительности». «Чувствительность, возмолванность чувств (*l'émotion des sens*), он понимает как «любовь к родине, страстное стремление к славе, добродетели и свободе, готовность совершить подвиг во имя общественного блага. Она не имеет ничего об-

¹ Либи, указ. соч., стр. 87—91, 364.

² «Посвящение» к трагедии «Брут и Кассий». Посмертные произведения т. I, стр. 185.

¹ «Посвящение» к «Бруту и Кассию», стр. 185—196; письмо М.Ж. Шенье к А. Шенье от 13 февраля 1788 г. А. Шенье, соч. в прозе, стр. 302—304.

шего с великосветской галантной «чувствительностью» и своекорыстными чувствами. Преданность великим гражданским и политическим идеалам не может «пробывать в малочувствительной душе. Поэтому роль Брута, хорошо исполненная автором, является одной из самых чувствительных в театре»¹, — писал он. Это понимание «чувствительности» Шенье художественно воплотил в трагедии «Гай Грекх».

Отмеченные особенности эстетики Шенье — одно из многих проявлений существенного отличия революционного классицизма от дореволюционного просветительского классицизма Вольтера и его последователей старшего поколения и тем более от творчества Корнеля и Расина. Другим отличием Шенье от Расина и отчасти Корнеля и Вольтера является его отвращение к «легенде», «преданию». Мифологию как сюжетный источник он совсем отвергал и требовал для «античных» пьес только подлинно исторических тем и сюжетов². Еще до «Гая Гракха» Шенье сделал попытку практически воплотить эту концепцию трагедии в своей юношеской трагедии «Брут и Кассий или Последние римляне» (1788).

Шенье стремился довести до предела политическое звучание трагедии классицизма и превратить ее в остро отточенное оружие революционного народа, борющегося против феодального рабства.

«Гай Гракх», отражающий более высокий этап борьбы против феодальной реакции, превосходит предыдущие трагедии Шенье своим социально-политическим радикализмом, демократизмом и особенно пропагандой республиканских идей, которые совсем отсутствовали в «Карле IX», «Генрихе VIII» и «Каласе», а в «Бруте и Кассии» имели отвлеченный, теоретический характер.

Республиканские идеи «Гая Гракха», являясь отражением реального республиканства современной Шенье Франции, весьма отличны от гражданского пафоса и античного духа «республиканских» трагедий Вольтера — «Брут», «Смерть Цезаря», несмотря на наличие общих черт. За античной формой «Гракха» чувствуется живое биение пульса политической борьбы периода революции. В ук-

занных трагедиях Вольтера республиканские идеи не имели такой исторической конкретности и политической злободневности. В то время, когда жил Вольтер, республика еще не стала во Франции насущной политической проблемой и сам Вольтер не был республиканцем¹.

«Гай Гракх» превосходит и сходные трагедии других предшественников Шенье, — например, «Виргинию» Лагарпа и «Спартака» Сорэна — отсутствием любовной интриги, политической остротой, более строгим следованием историческим фактам.

«Гай Гракх» впервые был напечатан в апреле—мае 1793 года. Даже в титульном листе этого издания М.-Ж. Шенье подчеркивает политическую устремленность своего творчества, с гордостью называя себя «депутатом Национального Конвента». Первое издание трагедии представляет большую ценность: в первой редакции (1793 г.) радикализм и революционная направленность проявляются гораздо ярче, чем в более поздних, относящихся к послереволюционному периоду².

Французские буржуазные критики неправы, утверждая, что «антиквизация» в жизни и искусстве эпохи французской революции лишена всякой жизненной убедительности и художественности. В. Г. Белинский справедливо видел в античном «наряде» французской революции большой гражданский пафос и художественную силу. В письме к Боткину 28 июня 1841 года великий критик писал: «...Купил Плутарха Дестуниса и прочел. Книга эта свела меня с ума... Из всех героев древности трое привлекли всю мою любовь, обожание, энтузиазм — Тимoleon и Гракхи. Биография Катона (Утического...) пахнула на меня мрачным величием трагедии: какая благороднейшая личность... Я весь в идее гражданской доблести, весь в пафосе правды и чести, и мимо их мало замечаю какое бы то ни было величие... Тимoleon, Гракхи и Катон Утический заслонили собою в моих глазах и

¹ Б. Рензов. Новая книга о Вольтере, Изв. АН СССР, Отд. Литературы и языка, т. VI, вып. 4, М., 1947, стр. 353.

² Оригинал первого издания этой пьесы в конце прошлого века хранился в парижской Национальной библиотеке, как библиографическая редкость. В более поздних изданиях в финале пьесы отсутствовала сцена убийства плебеями Оппимия, а пьеса заканчивалась самоубийством Гракха.

¹ «Посвящение» к «Бруту и Кассию», стр. 189—190.

² «Посвящение» к «Бруту и Кассию»; письмо М.-Ж. Шенье к А. Шенье от 13 февраля 1788 г.

Цезаря и Македонского. Принимаясь за Плутарха, я думал, что греки заслонят от меня римлян, — вышло не так. В римских биографиях душа моя плавала в океане. Я понял через Плутарха многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество... Я понял и французскую революцию и ее римскую помпу, над которой прежде смеялся. Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного»...¹ (Подчеркнуто мною — Ю. Б.). А в седьмой статье о Пушкине Белинский сделал не менее глубокое замечание: «... Эней — ложно-римский герой. Настоящий герой римский — это даже не Юлий Цезарь, а разве братья Гракхи»².

В XVIII веке и в первой половине XIX века для прогрессивных, патриотических кругов не только Франции, но всей Европы, античность была идеологическим оружием в борьбе против реакции и мракобесия. Высоко ценили гражданскую и политическую сторону античности Радищев, декабристы, Грибоедов, Пушкин и другие благородные, свободолюбивые люди России. Эти страстные патриоты обращались к античности при обличении крепостни-

чества и царского самодержавия. Плутарх, Тацит и другие античные авторы были для них настольными книгами, обличителями феодализма и абсолютной монархии.

* * *

Дальнейший путь развития М.-Ж. Шенье (от созыва Конвента до конца жизни) был весьма сложным, извилистым и противоречивым. Однако, несмотря на эволюцию Шенье вправо, его последующее творчество также было направлено против феодально-аристократической и католической реакции конца XVIII — начала XIX века, а также против правления Наполеона и наступивших будней буржуазного общества.

Несмотря на ошибки и заблуждения, историческую и классово-обусловленную противоречивость его мировоззрения и творчества, многие произведения Шенье, — составная часть идейного и культурного наследия французской революции XVIII века, — сохранили свою актуальность и в наши дни. Истинным наследником прогрессивных и гуманистических сторон творчества М.-Ж. Шенье являются прогрессивные силы современной Франции и все передовое и миролюбивое человечество, ведущее напряженную борьбу против варварства и мракобесия, против империалистической реакции, за мир, прогресс и национальную независимость.

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. 1—3, Спб. 1914. т. 2, стр. 246—247.

² В. Г. Белинский, Собр. соч. в трех томах. М., 1948, т. III, стр. 469.